

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Сборник научных трудов
Выпуск 9
История

Горловка
2019

УДК 009
ББК Ф66/Ш81
Г69

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 11 от 29.05.2019)*

Ответственный редактор: С. Э. Зябрева – к. пед. н., доц. ОО ВПО «ГИИЯ»,
г. Горловка (ДНР)

Редакционная коллегия:

С. А. Кочетова – д. филол. н., проф. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); И. А. Герасименко – д. филол. н., проф. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); В. В. Липинский – д. ист. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР); И. А. Андреева – к. психол. н., доц. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); М. Р. Арпентьева – д. психол. н., ст. науч. сотрудн. Калужского государственного ун-та имени К. Э. Циолковского (РФ); Н. В. Евсюкова – к. ист. н., доц. ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); Н. А. Егорова – к. пед. н., доц. Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь); Р. А. Назмутдинов – к. психол. н., доц. Костанайского государственного пед. ин-та (Казахстан); В. В. Патерыкина – д. филос. н., доц. Алчевского технического ун-та (ЛНР); Н. В. Фунтикова – к. пед. н., доц. Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, (ЛНР); Д. А. Чернышёв – д. пед. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР)

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 (редакция от 03.10.2016).

Г69 **Гуманитарный вестник** : сб. науч. тр. / ОО ВПО
«Горловский институт иностранных языков». Редкол. :
С. Э. Зябрева и др. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ»,
2019. – Вып. 9 : История. – 72 с.

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем истории.
Для научных работников, аспирантов, студентов, школьных учителей.

УДК 009
ББК Ф66/Ш81

*Бессилин Николай Анатольевич,
г. Уфа, Российская Федерация
Санжаров Валерий Анатольевич,
г. Донецк, ДНР*

УДК 94(44) 026/027

СЕМЬЯ ЖУВЕНАЛЕЙ ДЕЗЮРСЕНОВ НА КОРОЛЕВСКОЙ СЛУЖБЕ: КАРЬЕРНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ

Семья Жувеналей Дезюрсенов, давшая в XV в. двух герцогов и пэров Франции [7, т. 6, с. 403-407; т. 2, с. 45-47; 21], и по отцу, и по матери происходила из разбогатевших горожан. Прадед главы рода конца XIV в. Жана Жувеналья по матери, Жан де Витри, был простым торговцем в Париже. Разбогатец, он для поднятия статуса семьи начинает скупать сеньории. Его сыновья становятся известными благодаря образованности, королевской службе и близости к особе монарха: Гийом был королевским секретарем, Жийе – спальником, его тезка – казначеем, Тибо – советником парижского парламента. Дочь Жана де Витри вышла замуж за дворцового короля Жана Ле Мерсье. Родословная Жувеналей по отцовской линии не так проста. Жан Жувеналь Дезюрсен младший в своей хронике отнес корни семьи к известному итальянскому роду Орсини [20, с. 365; 19, т. 1, с. 477]. Попытка хрониста представить свой род древнее и благороднее, чем он был на самом деле, не нашла документального подтверждения и была отвергнута специалистами [25, с. 15; 8; 13; 9; 10, с. 5-6; 11; 12]. Реальность была более прозаичной и скромной. Дед Жана Жувеналья по отцу был торговцем сукнами в городе Труа в Шампани (сохранилась его расписка от 02.09.1360 г.), и, если верить документам, суконщик никуда из Труа не выезжал, его дом на одной из центральных улиц города сохранился до сих пор, хотя и был не раз перестроен. Пьер Жувенель женился на дочери виконта Труа Тибо д'Ассене: соединение богатства и знатности не были чем-то диковинным и в то время. Приставка «Дезюрсены» в фамилиях представителей рода, по мнению исследователей, появилась только в конце 30-х–начале 40-х гг. XV в. [10, с. 308, 311; 25, с. 11] Батифоль утверждал, что прево торговцев Парижа Жана Жувенеля старшего никогда не называли Дезюрсеном. Впервые этот довесок к фамилии Жувеналей появляется в сочинении Жана младшего. Он даже описывает встречу отца с несуществующим родственником из свиты императора в своей хронике [10, с. 231].

В историографии существует также мнение, что прозвище «Дезюрсены» было получено по названию особняка в Париже,

который достался Жану старшему в награду за его службу на посту прево торговцев города [20, с. 409; 10, с. 146, 169].

Идет ли речь о попытке удревнения рода или смене, замене семейной истории на более соответствующую семье, отказавшейся от традиционных занятий и связей, и сделавшей ставку на служение королевской династии. Но периоды нестабильности и гражданских смут научили Жувеналей понимать, что богатство и влияние неустойчивы: они стараются различными способами закрепить положение семьи. На это направлены усилия по закреплению дворянского происхождения [23]. Двое сыновей Жана Жувенеля – Гийом и Людовик – получают статус шевалье, причем последний был произведен в рыцари лично королем Карлом VII. Большую стабильность в неспокойное время обеспечивала церковная карьера: ее избирают Жан, Жак, Гийом (последний был вынужден отказаться, чтобы наследовать семейные владения).

Так или иначе, с Жана Жувенеля старшего (1360-1431) семейная традиция занятия торговлей была прервана. Он получил образование в Орлеанском и Парижском университетах, а затем и ученую степень в области гражданского права. С 1380 г. Жан старший советник в Шатле [10, № II, IX, X], а в 1384 г. он становится адвокатом в парижском парламенте [15, с. 205]. Так выходец из третьего сословия пополнил корпорацию чиновников-юристов. Практика аноблирования и налоговые привилегии и освобождения делали чиновный статус весьма престижным [6, с. 565, табл. 2]. В 1386 г. Жан Жувенель женился на Мишель де Витри, брак с которой позволил ему войти в самые знатные дома королевства. С 1389 по 1400 г. Жувенель исполнял должность прево торговцев Парижа, по окончании срока полномочий семья получила особняк на улице Глатиньи, в который и переехала жить. В особняке Дезюрсенов семья будет жить непрерывно до 1418 г. Майская резня арманьяков бургиньонами вынудит Жувеналей бежать из Парижа. До этого момента благосостояние семьи неуклонно росло: с 1400 по 1413 г. Жан старший – главный адвокат короля в парижском парламенте [19, т. 1, с. 481]. В это же время Жувенали получают земли и титул баронов де Тренель. 22.08.1407 г. Жан Жувенель принес королю вассальную присягу за земли, дома, крепости и сеньории Тренель [10, с. 172-176, 259, № XIII] в Шампани, на дороге из Парижа в Труа. В 1409 г. Жувенали приобретают новые земли в Шампани, по которым они становились вассалами графа Невер [10, с. 287-290, № XIV].

Помимо доходов по службе и феодальной ренты с приобретенных земель Жан Жувенель представляет в суде интересы крупных сеньоров. Герцог Орлеана установил для него ежегодную пенсию в 20 турских ливров, после его убийства вдова герцога Валентина

Висконти распорядилась продолжать выплаты Жувенелю [10, с. 291-294, № XV-XVII]. В 1413 г. Жан становится канцлером дофина Франции и герцога Гиени Людовика [19, т. 1, с. 481]. В 1414 г. Жан старший получил высокую и хорошо оплачиваемую должность смотрителя королевского дворца в Париже с ежегодным жалованьем в 120 турских ливров [10, с. 227].

Драматичность эпохи не обошла стороной и семью Жувеналей. Жан описывает в своей хронике и более ранние примеры конфликтов отца с могущественными представителями родовой знати: среди событий 1392-93 гг. он описывает конфликт отца с герцогом Бургундии Филиппом Храбрым [20, с. 378-386]. В 1409 г. Жан старший вызвал недовольство нового бургундского герцога Жана Бесстрашного своими попытками погасить вражду бургиньонов и арманьяков [10, с. 183-185]. В 1413 г. кабошены потребовали у Жана Жувенеля две тысячи экю и, получив отказ, отправили его в тюрьму. Жан старший был вынужден откупиться от узилища. Позже он будет среди организаторов разгрома мятежников [20, с. 480-487].

Гражданская война перечеркнула привычный уклад жизни и благополучие семьи Жувеналей. Жан младший в своей хронике так описывает состояние отца, в один момент лишившегося всего нажитого: «как было жалко Жану Жувенелю, сеньору де Тренель, который имел добрых две тысячи ливров рент и дохода, имел прекрасные земли и дома во Франции, Бри и Шампани, и свой особняк с великолепной мебелью, который стоил от 15 до 16 тысяч экю...» [20, с. 549]. Фактически Жувенали лишились всего достояния, которое имели в столице [20, с. 537]. В 1420 г. бургундцы, а в 1423 г. англичане конфисковали владения Жувеналей в Шампани (шато Тренель взяли штурмом и удерживали до весны 1431 г.) [10, с. 257, 260, 265, 294-306, № XVIII, XXI-XXIV].

После бегства из Парижа семья обосновалась в Пуатье, где Карлом VII был учрежден парламент. Жан старший становится одним из трех президентов парламента с ежемесячным жалованьем в 52 ливра и 20 денье [10, с. 248]. Глава семьи умрет на Пасху 1 апреля 1431 г. в возрасте 71 года [10, с. 265]. После освобождения Парижа останки Жана Жувенеля будут перенесены в часовню Сен-Реми в соборе Нотр-Дам. В июне 1456 г. рядом с ним была похоронена и его жена Мишель де Витри. Часовня была украшена скульптурными изображениями Жана Жувенеля и его жены коленапреклоненными в молитвенной позе [27]. Впоследствии скульптуры перенесли в Версаль. Внутри часовни находилась картина, изображавшая Жана Жувенеля и Мишель де Витри с их одиннадцатью детьми (долгое время находилась в Лувре; в настоящее время хранится в музее Клюни) [25, с. 89; 22].

Сыновья пошли по стопам отца. Жан младший учился в орлеанском и парижском университетах и стал доктором обоих прав [26; 15, с. 208]. Первой ступенькой на государственной службе для него стала должность адвоката в парижском парламенте [25, с. 76; 10, с. 230, № XIX-XX, XXV]. В 1415 г. Жан – докладчик при дворе дофина и советник короля [25, с. 77]. В Пуатье, куда переехала семья, он адвокат, а затем главный адвокат короля в парламенте с оплатой 41 ливр 13 су и 4 денье в 3 месяца [10, с. 248, 294-296, № XX, с. 307-308, № XXV; 19, т. 2, с. 186]. Брат Жана Гийом становится советником пуатьевенского парламента, получая ежедневно 12 су и 6 денье [10, с. 248; 24]. Но помимо парламентской Жан младший избирает церковную карьеру: как королевский капеллан он собирает бенефиции (священник Караман в диоцезе Тулузы, до 1418 г. каноникат с пребендой в кафедральном капитуле Парижа, с 1422 г. каноникулы в коллегиальной церкви Сен-Мартен де Тур и кафедральном капитуле Мана, наконец деканство в Авранше) [15, с. 208].

В 1432 г. Жан Жувеналь становится епископом (первым в семье) Бове [14, с. 104] – графом и пэром Франции (имел право чеканить монету; был четвертым по рангу среди церковных пэров, на церемонии посвящения короля нес мантию) [25, с.136-142; 3, с. 68]. 1 июня Жан принес присягу на верность королю в Амбуазе, 13 июля вступил во владение епископским престолом через прокурора. 21 октября состоялся торжественный въезд нового епископа в свой город. В марте 1433 г. он был посвящен в епископы кардиналом Орсини в Риме [25, с. 151-152]. В это же время Жан Жувеналь Дезюрсен начинает создавать свои сочинения – на темы недавнего прошлого и на злобу дня [4, с. 269; 19, т. 1, с. 17-46; 47-92].

«Пограничный» характер диоцеза не позволил епископу Бове принять участие в Базельском Соборе, но он активно участвует в мирных переговорах в Аррасе [25, с. 167]. После освобождения Парижа он исполняет обязанности хранителя привилегий парижского университета [26; 25, с. 182].

В 1444 г. Жан в интересах семьи становится епископом Лана [14, с. 173; 25, с. 216-259], а в 1449 г. благодаря отказу в его пользу младшего брата – архиепископом Реймса [14, с. 222; 15, с. 208-211, п°1045]. 3 марта датирована булла папской провизии, 23 мая Жан вступил во владение престолом через адвоката, 11 июня он принес клятву верности королю, а 28 июля совершил торжественный въезд в город. Затем новый архиепископ совершил объезд собственного диоцеза. Жан Жувеналь Дезюрсен активно включается в жизнь своего диоцеза. Со 2 по 11 июля 1455 г. он провел провинциальный совет в Суассоне (первый с 1408 г.): декреты в значительной степени повторили предписания прагматической санкции. Новый

совет церковной провинции был запланирован на 1458 г.; но письма созыва были отправлены с некоторой задержкой на июль 1460 г. [25, с. 380-419].

Диоцезальное администрирование не помешало государственной деятельности Жана: король поручает ему важные и деликатные миссии. В сентябре 1449 г. он был отправлен с Дюнуа в Руан для ведения переговоров о капитуляции города [7, т. 2, с. 46]. Жан Жувеналь Дезюрсен участвовал во всех значимых ассамблеях королевства, заседаниях штатов. После заседания штатов в Орлеане в 1439 г., на которых он представлял город и виконтство Парижа, Жан обращается к королю с предложениями принять меры для облегчения положения подданных короны [19, т. 1, с. 295-435; 4, с. 269]. В 1452 г. он написал для церковной ассамблеи в Бурже свой трактат «*Verba mea auribus percipe*», в котором излагает свою точку зрения на отношения между церковью и королевством [19, т. 2, с. 179-405; 1; 2, с. 5]. Жан возглавил трех церковных комиссаров, назначенных папой Каликстом III для ведения дела по реабилитации Жанны д'Арк: он председательствовал на основных заседаниях комиссии с ноября 1455 г. по июль 1456 г. [25, с. 315]. На Штатах 1468 г. Жан Жувеналь Дезюрсен выступит с речью против апанажей, за неделимость королевского домена. Вместе с тем, Жан никогда не был канцлером Франции, как почему-то решила С.А. Польская [3, с. 120, с. 229, сн. 119].

Жак является самым молодым из семи сыновей Жана Жувенеля: он родился 14 октября 1410 г. в приходе Сен-Ландри в Сите, через 22 года после Жана [15, с. 205]. Жак покинул столицу в очень юном возрасте (8 лет), он вместе с семьей бежит в Пуатье, затем изучает каноническое право в Авиньоне. В 1430-е гг. он адвокат пуатевенского парламента [10, № XXIX; 24], в 1437 г. Жак вернулся с семьей в Париж, продолжив учебу [10, № XXVI]. В марте 1440 г. он становится лицензиатом гражданского права (до этого у него уже была степень в каноническом праве) [26]. Он активно участвует в общественной жизни: в 1439 г. на штатах в Орлеане он выступает как посланник короля, в 1440 г. Жак один из двенадцати королевских комиссаров на штатах Лангедока [5, с. 202].

Церковная карьера Жака также идет по восходящей: каноник (1432 г.), кантор (1435 г.) и, наконец, декан (1439 г.) кафедрального капитула Бове, архидиакон Парижа в 1441 г. и казначей Сен-Шапель в 1443 г. В 1444 г. он вступает во владение пребендами двух последних прелатств [15, с. 205].

В 1443 г. Жак в качестве кандидата участвует в выборах епископа Лана. Несмотря на поддержку короля, избраться с наскока не удастся: голоса избирателей разделились между Жаком и деканом

Лана, богословом Пьером Годман. Архиепископ Реймса Рено де Шартр, в метрополию которого входил Лан, отправил спорное дело папе Евгению IV для вынесения решения. Папа поручил епископу Бове Жану Жувеналю Дезюрсену рассмотреть дело в качестве делегированного судьи. Результат переговоров сторон и достигнутых договоренностей был более чем благоприятным для клана Жувеналей Дезюрсенов. Жан становился епископом Лана, а оставляемый им престол Бове переходил к племяннику Рено де Шартр Гийому де Элланд; Пьеру Годман за отказ от продолжения тяжбы назначалась ежегодная рента в 200 флоринов, ему также переходили бенефиции Элланда; Жаку Жувеналю Элланд уступал архидиаконство Реймса. Кроме того, Жак становился правопреемником архиепископа Реймса Рено де Шартр, которому на тот момент было около 70 лет. 3 апреля 1444 г. папская булла закрепила перемены в диоцезах Лана и Бове.

А на следующий день в Туре неожиданно умер канцлер Франции, архиепископ Реймса Рено де Шартр. Так президент Палаты Счетов (с 2 января 1444 г.) Жак Жувеналь Дезюрсен (сменивший уволенного в 1443 г. за растрату епископа Лана Гийома де Шампо) [17] стал архиепископом Реймса даже раньше, чем можно было предполагать. Не все было гладко. Буржская Прагматическая санкция ввела выборный режим в галликанской церкви, и Жаку предстояло пройти избирательную процедуру. Король за несколько дней до выборов передает ему по праву регалии архидиаконство Реймса (от которого отказался Гийом де Элланд), делая его «своим» в капитуле. Карл VII направил кафедральному капитулу не менее четырех писем, чтобы рекомендовать своего протеже. Поэтому неудивительно, что 25 июня 1444 г. Жак Жувеналь был единогласно избран архиепископом Реймса [14, с. 222; 15, с. 205-207, п° 745]. 19 ноября он вступил во владение через прокурора. Он лично обязался оплатить общие службы и 25 сентября получил папскую буллу конфирмации выборов. Новый архиепископ совершит торжественный въезд в Реймс в январе 1445 г. и будет оставаться в городе до середины апреля.

16 июня 1445 г. Карл VII назначил канцлером королевства (вместо умершего Рено де Шартр) еще одного представителя семьи Жувеналей Дезюрсенов, брата Жана и Жака – шевалье Гийома, барона де Тренель [7, т. 6, с. 403-404]. По просьбе брата епископ Лана Жан Жувеналь Дезюрсен написал трактат об обязанностях канцлера [19, т. 1, с. 437-551]. Гийом окажется на своем месте в должности канцлера (не по его воле в 1461-1465 гг. его сменил Морвилье) и активным должжителем в королевском совете [17; 18, с. 114, 126, 127, 131, 132].

В бытность парижским школяром Гийом Жувенель – клирик. Неудача с получением канониката с пребендой в церкви Сент-Эньян в Орлеане по королевской коллации. В 1414 г. папа Иоанн XXIII

предоставил Карлу VI право распоряжения 500-ми бенефициями. Гийом был не принят канониками, Иоанн XXIII вскоре низложен, королевское вмешательство объявлено незаконным, жалоба Гийома в римский суд результатов не дала. Светская карьера оказалась не в пример успешнее. Будущий канцлер прошел хорошую парламентскую школу: с 1423 г. он советник пуатевинского парламента [24]; шевалье (1428 г. – после коронации), сир де Тренель; с 1437 г. Гийом был бальи Санса, с 1445 г. лейтенантом губернатора Дофине. Жена Женевьев Эрон – дочь Маке Эрона, казначея Франции (1420 гг.), ген. сборщика финансов и казначея войны (1435).

Жувенали Дезюрсены на всех должностях верные слуги короны. Помимо прямых обязанностей они по поручению короля участвуют во многих важных дипломатических миссиях. В 1445 г. Жак участвует в мирной конференции в Шалоне, а затем в составе большого посольства отправлен в Англию: добиться мира не получилось, но удалось продлить на год перемирие. В 1446 г. архиепископ Реймса вместе с Жаком Кёр посетил Марсель, Ниццу и Геную. В 1447 г. в Лионе и Женеве он дискутирует с представителями собора, затем совершает длительную поездку в Рим.

В 1448 и 1449 гг. Жак Жувеналь Дезюрсен обсуждает пути преодоления раскола церкви в Базеле и Лозанне: архиепископ Реймса получил отречение от соборного антипапы Амедея Савойского. Заслуги Жака отмечены патриаршеством Антиохийским (булла папы Николая V от 3 марта 1449 г.) и епископством Пуатье [14, с. 89, 216; 16, п°312; 28]. В тот же день он отказался от архиепископства Реймса в пользу брата Жана [14, с. 222]. Папские милости продолжались: 21 ноября 1449 г. папа передал Жаку в управление еще одно епископство – Фрежюс (в октябре 1452 г. патриарх обменял его на клюнийское приорство Сен-Мартен-де-Шамп в Париже) [14, с. 155]. В 1450 г. (15.05.) председатель ассамблеи в Шартре (представлен проект отмены Прагматической Санкции). До смерти 8 марта 1457 г. Жак Жувеналь Дезюрсен исполнял обязанности президента Палаты Счетов [5, с. 202; 28].

15 августа 1461 г. архиепископ Реймса Жан Жувеналь Дезюрсен помазал и короновал нового короля Людовика XI и, как обычно, пытается наставлять его в искусстве управления государством. Несмотря на своеобразие нового монарха и гонения на ближайшее окружение отца, Жувенали Дезюрсены остаются до конца жизни верными избранному пути: служению короне. Эта беззаветная преданная служба вознесла Жувеналей Дезюрсенов на вершину политической и социальной иерархии Франции XV века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессилин Н. А. Жан Жувеналь дез Юрсен, историк и политик / Николай Анатольевич Бессилин // Древний мир и средние века. История. Историческая мысль; межвузовский сборник. – Уфа, Башкирский университет, 1993. – С. 115-122.
2. Бессилин Н. А. Теоретик королевской политики XV века: Жан Жувеналь дез Юрсен / Н.А. Бессилин, В.А. Санжаров // II Международная конференция «Франция и Украина, научно-практический опыт в контексте диалога национальных культур». – Днепропетровск, 1995.
3. Польская С. А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX-XV вв.) / Светлана Анатольевна Польская. – М.; СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 496 с.
4. Санжарова Г. Ф. Дихотомия государь-народ во французской литературе и историографии XV века (Кристина Пизанская и Жан Жувеналь Дезюрсен) / Г. Ф. Санжарова, В. А. Санжаров // Язык и культура (Научный журнал). – Киев : ИД Дмитрия Бурого, 2010. – Вып.13. – Т. IV (140). – С. 268-274.
5. Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. / Нина Александровна Хачатурян. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
6. Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков / Сусанна Карленовна Цатурова. – М.: Наука, 2012. – 622 с.
7. Anselme P. Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France, des pairs, grands officiers de la couronne & de la maison du roy & des anciens barons du royaume / par le P. Anselme, Augustin Déchaussé ; continué par M. Du Fourny. – Paris: la Compagnie des libraires, 1726-1733. – 3e éd. revue et corrigée. – 9 vol.
8. Batiffol L. Le nom de la famille Juvénal des Ursins / Louis Batiffol // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes, 1889, Vol. 50, P. 537-558.
9. Batiffol L. L'origine italienne des Juvenel des Ursins / Louis Batiffol // Bibliothèque de l'école des Chartes, 1893, Vol. 54, P. 693-717.
10. Batiffol, L. Jean Jouvenel, prévôt des marchands de Paris (1360-1431) / Louis Batiffol. – Paris: H. Champion, 1894. – 332 p.
11. Board A. de, Hirschauer Ch. Les Jouvenel des Ursins et les Orsini / A. de Board, Ch. Hirschauer // Mélanges d'archéologie et d'histoire, 1912, Vol. 32, P. 49-67.
12. Demurger A. La famille Jouvenel: quelques questions sur un tableau / Alain Demurger // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France 1997, 1999, P. 31-56.

13. Durrieu P. Le nom, le blason et l'origine de famille de l'historien Juvénal des Ursins / Paul Durrieu // *Annuaire-Bulletin de la Société l'Histoire de France*, 1892, Vol. 29, P. 193-221.
14. Eubel K. *Hierarchia catholica medii aevi, sive Summorum pontificum, S. R. E. cardinalium, ecclesiarum antistitum series ab anno 1431 usque ad annum 1503 perducta e documentis tabularii praesertim Vaticani collecta, digesta, edita per Conradum Eubel.* – Monasterii : Sumptibus et Typis Librariae Regensbergianae, MDCCCCXIV. – Bd. II. – XXXXV-290 s.
15. *Fasti ecclesiae gallicanae : répertoire prosopographique des évêques, dignitaires et chanoines des diocèses de France de 1200 a 1500.* Tome 3. Le diocèse de Reims / Pierre Desportes; coll. Pierre Bony, Edouard Bouyé, Patrick Demouy et al. – Paris-Turnhout: CNRS Editions-Brépols, 1998. – XIV-664 p.
16. *Fasti ecclesiae gallicanae : répertoire prosopographique des évêques, dignitaires et chanoines des diocèses de France de 1200 a 1500.* Tome 10. Le diocèse de Poitiers / Laurent Vallière; coll. Karine Corre, Christiane Lemé, Edouard Bouyé. – Paris-Turnhout: CNRS Editions-Brépols, 2008. – XII-439 p.
17. Gaussin P.-R. Les conseillers de Charles VII (1418-1461). Essai de politologie historique / Pierre-Roger Gaussin // *Francia*, 1982, Bd. 10, S. 67-130.
18. Gaussin P.-R. Les conseillers de Louis XI (1461-1483) / Pierre-Roger Gaussin // *La France de la fin du XVe siècle. Renouveau et apogée : économie, pouvoirs, arts, culture et conscience nationales* / éd. Philippe Contamine et Bernard Chevalier. – Paris: CNRS, 1985. – P. 105-134.
19. Juvenal des Ursins J. *Ecrits politiques* / Jean Juvénal des Ursins; éd. Peter Shervey Lewis. – Paris: Klincksieck, 1978-1992. – 3 vol.
20. Juvenal des Ursins J. *Histoire de Charles VI. roy de France, et des choses memorables aduenues de son regne, dés l'an M CCC LXXX, jusques en l'an M CCCC XXII* / Jean Juvenal des Ursins; Theodore Godefroy. – Paris: Abraham Pacard, 1614. – 600 p.
21. Juvenel des Ursins [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://racineshistoire.free.fr/LGN/PDF/Jouvenel-des-Ursins.pdf>
22. La famille Juvenel des Ursins [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://histoiresduniversites.wordpress.com/2017/05/03/la-famille-jouvenel-des-ursins/>
23. Lewis P.S. La noblesse des Juvénal des Ursins / Peter Shervey Lewis // *L'Etat et les aristocraties (France, Angleterre, Ecosse) XIIe-XVIIe siècle* / éd. Ph. Contamine. – Paris, 1989. – P. 79-101.
24. Little R.G. *Parliament of Poitiers: War, Government and Politics in France, 1418-38* / Roger G. Little. – London-N.Y.: Humanities Press, 1984. – XII-251 p.

25. Péchenard P.-L. Jean Juvénal des Ursins, historien de Charles VI, évêque de Beauvais et de Laon, archevêque-duc de Reims étude sur sa vie et ses œuvres / l'abbé Pierre – Louis Péchenard. – Paris : E. Thorin, 1876. – 472 p.
26. Prosop. Base prosopographique des universitaires parisiens [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lamop-vs3.univ-paris1.fr/studium/>.
27. Saint-Guillaume chapel, Notre-Dame de Paris [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Saint-Guillaume_chapel,_Notre-Dame_de_Paris#/media/File:France-000051_-_Crypt_\(14523941310\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Saint-Guillaume_chapel,_Notre-Dame_de_Paris#/media/File:France-000051_-_Crypt_(14523941310).jpg)
28. Salvini J. Un évêque de Poitiers, Jacques Jouvenel des Ursins / J. Salvini // Bulletin de la Société des Antiquaires de l'Ouest, 1961, Vol. VI, P. 85-107.

АННОТАЦИЯ

Бессилин Н. А., Санжаров В. А. Семья Жувеналей Дезюрсенов на королевской службе: карьерный и социальный взлет

Статья посвящена истории семьи Жувеналей Дезюрсенов на протяжении столетия с конца XIV по конец XV века. Королевская служба открыла для семьи парижских чиновников и юристов путь к престижным и влиятельным должностям в королевстве Франции, а церковные карьеры ввели в круг высшей знати. Жан Жувенель – королевский адвокат и прево торговцев Парижа делает блестящую карьеру в высшем судебном органе королевства – Парижском (а позже Пуатевенском) парламенте. Успехи его детей превосходят его собственный: шевалье Гийом, виконт де Тренель станет канцлером Франции; самый младший и самый старший из сыновей будут герцогами и первыми пэрами королевства.

Ключевые слова: Жувенали Дезюрсены, государственная служба, канцлер, епископы, первый церковный пэр.

SUMMARY

Bessilin N. A., Sanzharov V. A. Family of Juvénal des Ursins on the royal service: career and social ascent

The paper is devoted to history of family of Juvénal des Ursins throughout a hundred years from the late 14th until the late 15th century. The royal service opened for family of the Parisian officials and lawyers a way to prestigious and influential positions in the kingdom of France, and church careers brought them in a circle of the highest nobility. Jean Juvénal is the king's attorney and prévôt of Paris merchants; he makes an outstanding career in the supreme judicial authority of the kingdom, i.e. the Parisian (later Poitevin) parliament. His children's success surpasses his own: the chevalier Guillaume, the viscount de Traonel would become

a chancellor of France, his youngest and eldest sons would be dukes and the first peers of the kingdom.

Key words: Juvinal des Ursins, public service, chancellor, bishops, first ecclesiastical peer.

*Вербовский Андрей Валерьевич,
г. Донецк, ДНР*

УДК 94(4) +75.041.5

СУДЬБА ЖАНРА ПОРТРЕТА В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

В данной статье ставится задача проследить истоки и направления развития портретного жанра в западноевропейских скульптуре, рисунке, книжной миниатюре, витраже, станковой живописи на этапе перехода от греко-римской эпохи к западноевропейской христианской цивилизации.

Портретный жанр возник еще в доантичную эпоху в виде посмертных масок для препровождения усопшего в мир предков. Затем греческие ваятели Поликлет и Фидий научились создавать идеальные образы человека, скульпторы Скопас и Пракситель придают фигурам движение и страсть, Лисипп придает лицам индивидуальные черты. Римские скульпторы делают следующий шаг в передаче портретного сходства статуи с оригиналом: опыт изготовления посмертных масок дает им превосходное знание анатомии человеческого лица и навык воплощения индивидуальных черт. К статуям в пластическом искусстве добавляется портретный бюст. Появляются живописные портреты, портреты на камнях и монетах. То было время, когда человек представлял себя соразмерным богам и считал себя вправе увековечивать свой образ. В античной мифологии герой мог померяться силой с богами, земные женщины становились предметом вожделения жителей небес и рождали от них полубогов.

В раннем средневековье в Западной Европе в значительной степени происходит утрата традиции высокоразвитого живописного и пластического искусств. Рушится империя, исчезает светский заказчик произведений искусства, вслед за ним исчезает и художник. Исполнитель настенной живописи и скульптуры сохраняется преимущественно в монастырях. Помимо упадка городов империи, связанного с вторжениями варваров, на этот процесс повлияла христианская ветхозаветная традиция, запрещающая создание изображений для поклонения паствы. Сам человек становится

бесконечно мал перед лицом бога, и его смертная оболочка более не достойна запечатления в мраморе или в красках на деревянной панели. Изображение человеческого тела, столь высоко ценимое в античное время, в христианскую эпоху если не исключается полностью, то становится ограниченным. Исключением являлся образ Христа. Но и его образ претерпевает изменения: если у ранних христиан Спаситель чаще всего восседает на троне в окружении апостолов либо ветхозаветных патриархов, то со временем начинают преобладать изображения страданий Христа. Изображение Пресвятой Девы также изменяется: уходит образ зрелой женщины, на смену ему приходит идеальный лик девственной красоты, лишенный индивидуальных черт [3, с. 205]. На фресках исчезает индивидуальность человеческих лиц, пропорции фигур более не соответствуют реальным, изобразительное искусство более не нуждается в точности передачи телесных форм.

Во второй книге Моисеевой сказано: «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе наверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им» [2, гл. 20, 4-5]. Последователи Мохаммеда в изобразительном искусстве вполне удовлетворялись волшебством орнаментальной вязи. Сложнее дело обстояло в православном и католическом мирах, зародившихся на землях греков и римлян, где мастерство передачи красоты человеческого тела достигло высочайшего уровня. В отличие от мусульманского мира, христианская церковь не отказалась полностью от создания сакральных образов и изображений человека. Но сторонники буквального прочтения ветхозаветных наставлений находились и на Западе, и на Востоке христианского мира. Мы знаем о волнах иконоборчества, прокатившихся в Византии в VIII–IX в. И в мире западного христианства в этом вопросе не было единого мнения. Устав цистерцианского ордена не допускал использование образов человека ни в скульптуре, ни в живописи [12, с. 161]. Францисканский орден, напротив, выступал заказчиком фресковой живописи, приглашая расписывать стены таких великих мастеров как Чимабуэ и Джотто. Франциск Ассизский считал наготу добродетелью, тогда как для монахов других орденов она была признаком ереси. Бернард Клервосский утверждал: «Когда человек находит удовольствие в красоте тела, то сердце его удаляется от любви к Создателю. Чем больше мы услаждаемся внешними формами тела, тем больше удаляемся от сверхчувственной любви» [3, с. 203]. Людовик Святой в обращении к Жуанвиллю утверждал, что «...когда человек умирает, он излечивается от проказы, каковой является его тело» [7, с. 330].

Епископ Марселя Серен в конце VI века, борясь с идолопоклонством паствы, приказал уничтожить в своих землях

все изображения святых. Папа Григорий Великий, считавший человеческое тело «омерзительным одеянием души», тем не менее, написал письмо Серену, в котором не одобрил решение епископа, назвав три цели, которым служит фресковая живопись: поучение несведущих, напоминание о жизни Сына Божия, побуждение к мысли об увиденном [10, с. 9]. Это письмо понтифика «спасло» западноевропейское изобразительное искусство и цитировалось потом на протяжении нескольких веков вплоть до Фомы Аквинского.

Заложенные в христианской идее противоречия неизбежно приводят к ослаблению ее влияния на паству. Христианский мир жил в постоянном ожидании конца света и последующего за ним Страшного суда. И каждая, вновь назначенная и несбывшаяся, дата апокалипсиса добавляла сомнения в душу обывателя. Для теологов и схоластов важнее оказался парадокс двойственности Страшного суда: когда происходит распределение душ в рай и ад: сразу после смерти человека или оно произойдет во время Второго пришествия. Проблема была ключевой в богословской полемике. Папу Иоанна XXII, утверждавшего, что души праведников не попадут на небеса, а грешников – в ад до Судного дня, обвиняли в ереси; и на смертном одре ему пришлось отказаться от этой идеи. Средневековая картина мира утрачивает свою целостность, и теологи не в состоянии преодолеть эти парадоксы.

На рубеже I и II тысячелетий, во времена императора Оттона III и папы Сильвестра II, происходит новый рост городского населения, возрождение торговли и, как следствие, развитие изобразительного искусства вообще и светского портрета, в частности.

Севернее Альп развитие монументальной живописи в значительной степени было приостановлено появлением стрельчатой (готической) архитектуры: в соборах практически исчезают стены, предназначенные для росписей. Фрески здесь заменяются витражами, которые теперь воплощают целые циклы сюжетов на библейские темы. Возникшие впоследствии станковые картины испытывают на себе воздействие витражной техники. Строгий витражный рисунок XIII в. изменяется в следующем столетии, увеличиваются размеры стекол, что дает больше места для штриховки и живописи. На витражах появляются изображения монархов и принцев крови, имеющие портретное сходство с портретируемым.

При этом происходит быстрое развитие скульптуры, первое время преимущественно сопутствующей зодчеству. Скульптура юга Франции приобретает новые черты: в ее основе не только опыт античных ваятелей, но и традиции галльских скульпторов [8, с. 53]. На тимпанах готических соборов мы видим не только совершенствование техники французских скульпторов, но и их отношение к тем сакральным сюжетам, которые они воплощают

в камне. Когда внешнее сходство в живописи еще относительно, в скульптуре достоверная передача черт лица уже не редкость. Если в XIII в. у статуй французских королей в склепе Сен-Дени один и тот же тип лица, то в XIV ст. скульптуры короля Карла V, бургундского герцога Филиппа Храброго уже имеют ярко-выраженные индивидуальные черты [1, с. 389]. Портал церкви картезианского монастыря в Шанмоле, начатый Клаусом Слютером и законченный его племянником Клаусом де Верве, можно считать одним из величайших произведений мировой скульптуры [1, с. 371].

На возникновение станкового портрета во Фландрии и Франции в значительной мере повлияло искусство книжной миниатюры. Именно мастера-иллюминаторы становятся первыми портретистами. В библиях и часословах появляются изображения автора, подносящего заказчику свое произведение. В жанровых сценах книжных иллюстраций появляются фигуры меценатов, чьи лица, несмотря на миниатюрность изображения имеют некоторое сходство с оригиналом. Так, при взгляде на образ герцога Беррийского на миниатюре братьев Лимбургов и его скульптурное изображение мы увидим общие черты: круглое лицо и небольшой вздернутый нос, так отличающие герцога от его братьев с их вытянутыми овалами лиц и большими, с горбинкой, носами.

Отдельной темой в развитии портретного жанра можно считать создание портретов церковных иерархов, которым, очевидно, требовалось особенное обоснование интереса к увековечиванию собственной персоны. Художник не мог написать или изваять портрет главы римской католической церкви, руководствуясь лишь своим желанием. Ему необходимо даже не согласие, а заказ от церкви или лично самого понтифика. Уже в раннем средневековье разрабатываются каноны росписи католических храмов, в составлении которых, разумеется, принимают участие и сами понтифики. Новую схему композиций из Священной истории предлагает папа Лев Великий (440–461), свои изменения вносит папа Формозий (891–896). На стенах церквей изображаются ветхозаветные сюжеты и сцены из жизни Христа. Уже в IX в. на храмовых фресках ниже исторических сцен появляются медальоны с изображениями пап. Первым портретом Средневековья, по утверждению Жака Ле Гоффа был портрет Христа [7, с. 150]. Архетипом ему послужил плат Вероники [15, с. 429]. Логично предположить, что следующим в этом ряду должен появиться портрет его викария – римского понтифика. Изображение папы Климента V встречается уже в хронике армянского историка Гетума Патмича «Цветник историй стран Востока» 1307 г. На иллюстрации запечатлен процесс передачи рукописи самим Патмичем в руки понтифика [11; 13; 14]. Однако это еще не портретное изображение, лица имеют обобщенный характер.

Чеканится монета с изображением этого понтифика. В Риме и Авиньоне появляются надгробные памятники со скульптурными изображениями, имеющие портретное сходство с изображаемыми понтификами. Жан Фуке – лучший портретист Франции XV века – написал портрет папы Евгения IV. К сожалению, портрет понтифика не сохранился, но остались восторженные отзывы современников. Антонио Аверлино (Филарете) писал об этом полотне: «... а также Гракетто француз, который, если только еще жив, прекрасный мастер, особенно в работе с натуры. Он изобразил в Риме папу Евгения и двух других его родственников рядом с ним, они действительно казались живыми, написал он их на холсте, который был помещен в ризнице Минервы. Я об этом говорю, потому что он писал в мое время» [4, с. 61]. Сохранилась лишь гравюра, сделанная позднее с этого живописного портрета. По словам историографа итальянской живописи Вазари, работа Фуке подвигла Рафаэля на написание портрета понтифика Льва X.

Непосредственным предтечей портрета в живописи является появление изображений донаторов в церковной росписи. Интересно наблюдать за изменением донаторского портрета: в работе Maestro Veneziano начала XIV в. «Мадонна с младенцем на троне с двумя донаторами и ангелами (собрание ГМИИ имени А.С. Пушкина) донаторы ничтожно малы по сравнению с богородицей, их лица лишены индивидуальных черт [9, с. 124]; на Нарбоннской пелене фигуры Карла V и Жанны Бурбоннской уже соизмеримы с фигурами библейских персонажей, но расположены в нижней части композиции; на «Меленском диптихе» у Жана Фуке заказчик – Этьен Шевалье находится рядом со своим покровителем св. Стефаном (лишь чуть ниже) и имеет индивидуальные черты [4, с. 20; 13, с. 400]. В скором времени отпадет и необходимость изображать святого покровителя. Человек перестает искать оправдание того, что он хочет увековечить себя на полотне или в камне.

Помимо донаторского портрета живописцы используют еще и скрытый портрет. Так в середине XV в. итальянец Фра Анджелико в многофигурной композиции «Папа Сикст вручает сокровища церкви святому Лаврентию» в Ватиканской капелле Никколино создает изображение римского папы, придав при этом одному понтифику (Сиксту) черты другого (Николая V), который был заказчиком фрески. Случай, когда одному священнослужителю придаются черты другого не единственный: уже в начале XVI ст. Рафаэль в «Станца делла Сеньятура» изображает папу Григория IX с чертами лица своего главного заказчика – папы Юлия II. Кардиналы, расположенные рядом с Григорием IX, в действительности, его современники: будущие понтифики Павел III (Алессандро Фарнезе) и Лев X (Джованни де Медичи) [6, с. 39].

На первом станковом портрете, созданном севернее Аппенинского полуострова и сохранившимся до нашего времени, изображен Иоанн Добрый, второй монарх Франции из династии Валуа [1, с. 376; 15, с. 455; 5, ил. 3]. Разумеется, это полотно не было уникальным в свое время, письменные источники говорят о существовании в XIV в. портретных галерей в королевских и герцогских замках [4, с. 15].

Важным этапом в техническом развитии живописного портрета является изобретение фламандскими живописцами трехчетвертного разворота, ставшего впоследствии самым распространенным в этом жанре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верман К. История искусства всех времен и народов / Карл Верман. – СПб, 1896. – 928 с.
2. Ветхий завет. Исход.
3. Добрынин К. И. История средних веков. Часть II. История средневековой культуры / К. И. Добрынин. – М.: В. С. Спиридонов, 1916. – 222 с.
4. Золотова Е. Ю. Жан Фуке / Екатерина Юрьевна Золотова. – М.: Изобразительное искусство, 1986. – 157 с.
5. Лайта Э. Ранняя французская живопись / Эдит Лайта. – Будапешт: Корвина, 1981. – 130 с.
6. Лебединский М. С. Портреты Рафаэля / Михаил Сергеевич Лебединский. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – 136 с.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 375 с.
8. Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции / Жак Мадоль. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
9. Маркова В. Э. Итальянская живопись XIII–XVIII веков в собрании ГМИИ имени А. С. Пушкина. Альбом / Виктория Эммануиловна Маркова. – М.: Изобразительное искусство, 1992. – 382 с.
10. Пешке И. Монументальная живопись эпохи Джотто в Италии 1280–1400 / Иоахим Пешке. – М.: Белый город, 2003. – 456 с.
11. Цветник историй // Книга странствий / пер. с лат. и ст-фр. Н. Горелова. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 211–274.
12. Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI–XIII вв. Эпоха, быт, костюм / Алла Львовна Ястребицкая. – М.: Искусство, 1978. – 176 с.
13. Hayton et Clément V. Fleur des histoires d'orient. Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Division occidentale. Manuscrit Français 2810, fol. 262. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хетум_Патмич#/media/File:Hayton_et_Clément_V.jpeg

14. Hayton, Fleur des estoires de la terre d'Orient. Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Français 12201. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8452199j/f11.item>
15. Kluckert E. Malerei der Gotik Tafel-, Wand- und Buchmalerei / Ehrenfreid Kluckert // GOTIK: Architektur, Skulptur, Malerei / hrsg. Rolf Toman. – Rheinbreitbach: Ullmann Publishing, 2007. – S. 386–467.

АННОТАЦИЯ

Вербовский А. В. Судьба жанра портрета в переходную эпоху от античности к средневековью.

В данной статье предпринята попытка проследить развитие портретного жанра в витраже, рисунке, станковой живописи, пластическом искусстве, книжной миниатюре средневековья. В раннем средневековье в Западной Европе происходит утрата традиции высокоразвитого живописного и пластического искусств. На этот процесс повлияла христианская традиция. В статье характеризуется процесс нового подъема жанра портрета.

Ключевые слова: портрет, рисунок, живопись, пластическое искусство, книжная миниатюра.

SUMMARY

Verbovskiy A. V. Destiny of portrait genre: from Antiquity to Middle Ages

The paper attempts to consider a development of a portrait genre in the stained-glass window, drawing, easel painting, plastic art, book miniature of the Middle Ages. In the early Middle Ages in Western Europe, there is a loss of tradition of advanced fine and plastic arts. This process was influenced by Christian tradition. In the paper, a process of new raising of a genre of portrait is characterized.

Key words: portrait, drawing, painting, plastic art, book miniature.

УДК 331.105.44 (477): 32

ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА

Исследуя современные политические реалии, возникает необходимость изучения общественно-политических явлений, которые имеют исключительное значение в процессе развития политической системы государства. Свое место в этом процессе занимают объединения граждан, в частности, профсоюзные объединения, поскольку именно они, по нашему мнению, охватывая обширный массив граждан страны и, в случае четкой организованности в действиях, могут выступить как движущей силой развития гражданского общества, так и одной из потенциальных социальных угроз для той же государственности.

Трансформация постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы поставила перед профсоюзными организациями грандиозные задачи по переосмыслению функций их деятельности. На рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. массовые общественные организации были лишены старых функций, которые определяло для них государство. Начало 90-х годов XX века ознаменовалось разворачиванием новых экономических процессов и явлений, которые требовали от профсоюзов поиска новых методов деятельности, поскольку традиционные методы были уже неактуальными и недееспособными. В связи с этим профсоюзы отдельных стран направили свой взгляд на деятельность политическую.

На этом фоне существенным становится вопрос изучения профсоюзного участия в политике, перспективности такого вида деятельности профсоюзов и их соответствия современным общепринятым требованиям мировой модели профсоюзного движения. Актуальность и значимость проблемы значительно усиливают современные процессы развития гражданского общества Донецкой Народной Республики.

Однако, указанный анализ может быть осуществлен в контексте опыта мирового профсоюзного движения, который демонстрирует неоднородность форм политической деятельности общественных организаций, что составляет новизну предложенной проблемы. Ведь изучение процесса политизации профсоюзного движения через призму достижений и ошибок профсоюзов других стран мира может существенно повлиять на дальнейшее функционирование

отечественных профсоюзных объединений.

В данном исследовании опыт политической деятельности профсоюзов рассматривается на примере таких стран как: Украина, Франция, Великобритания и Германия.

Следует отметить, что предложенная тема представляет одну из малоизученных в проблеме функционирования общественных организаций. Только отдельные ее аспекты нашли свое отображение в научной литературе [2]. Деятельность профсоюзов европейских стран, в том числе и политическая, нашла отражение в значительном количестве научных трудов, которые и создали весомую библиографию по данной проблеме [8].

Научное исследование имеет целью с помощью сравнительного анализа политической деятельности профсоюзов отдельных стран определить целесообразность и перспективность такого вида деятельности массовой организации.

Историческое развитие мирового профсоюзного движения свидетельствует о том, что влияние профсоюзов, как организаций защиты прав рабочих, вовсе не ограничивается социально-экономической сферой, а затрагивает и сферу политическую. О сочетании экономической и политической борьбы еще в 1871 году К. Маркс писал: «... Из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно растет политическое движение ...» [9, с. 282-283].

Во Франции и на Украине такое сочетание произошло благодаря расширению круга интересов профсоюзов, что значительно повысило степень их влияния на решение проблем социально-экономической политики стран. А в таких условиях конфликты между профсоюзами и властями все чаще выходят на политический уровень, что, в большей степени, и привело к политизации профсоюзов.

Мы взяли за основу классификацию типов мирового профсоюзного движения, предложенную Дубровским М.Л. и Чернявским Л.С., которая основана на ряде определяющих принципов, среди которых характер взаимоотношений профсоюзов с политическими партиями, отношение к политической деятельности и формы участия профсоюзов в политике [5, с. 16]. Таким образом, в нашем анализе мы уделим внимание именно указанному принципу.

Согласно указанной классификации профсоюзное движение Франции относится к романской модели профсоюзной деятельности [5, с. 16]. Именно особенности исторического развития этой модели повлияли на разработку стратегии деятельности профсоюзов, в том числе и политической. В течение долгого времени в романских странах царил анархо-синдикалистский тип профсоюзного движения со специфической идеологией. Ее характерные признаки и в новейший период составляют отдельные принципы деятельности французских

профсоюзов, например, отрицание профсоюзами политической борьбы и использования акций протеста как своеобразного средства достижения своей цели [5, с. 23].

Хотя, здесь следует отметить и противоречивость подходов французских профсоюзов к участию в политике. В частности, они, следуя принципиальному курсу невмешательства в политику и независимости от политических партий, на практике, все же, с ними сотрудничают. Именно такое сотрудничество и было основным средством политической деятельности профсоюзов, к которому следует также добавить применение акций протеста, как средство воздействия на правительство.

В конце XX в. глава отдела трудового права и профессиональных отношений Международного бюро труда Ж. Шрегель выразил мнение о том, что организации рабочих для успешной деятельности должны выходить на правительственный уровень, соблюдая при этом правильную координацию усилий ... [15, Р. 84]. Французский исследователь трудового права Ж. Кутюрье в принципе не отрицает участие профсоюзов в политике, но придерживается позиции четкого распределения между профсоюзной деятельностью и деятельностью политической [13, Р. 303]. Другой французский исследователь Жерар Мерме считает, что французские профсоюзы чрезмерно увлекаются политической деятельностью. Последняя, по его мнению, больше подчинена политическим мотивам, чем заботе о защите интересов рабочих [14, Р. 297].

Следует заметить, что европейские профсоюзы традиционно имеют интерес к политике, который можно объяснить высоким уровнем политизации общества. Относительно профсоюзов Франции, то здесь большое значение имеет то, что рабочим политические права были предоставлены значительно раньше, чем право создавать профессиональные объединения. Таким образом, рабочим сначала была определена их политическая позиция, а потом образовались объединения по профессиональному, социальному признаку. Это обстоятельство и обусловило значимость идеологического фактора в профсоюзном движении Франции. Итак, одной из особенностей взаимодействия профсоюзов с политическими партиями было также и то, что эти две организации возникли независимо друг от друга, что и обусловило специфику их сотрудничества.

Вообще для западноевропейского сообщества политизация массовой организации не является чем-то новым и во многих странах воспринимается как данность. Исследовательница британских тред-юнионов С. Головки отмечала, что «Профсоюзные организации европейских стран активно влияют на политическую жизнь общества» [4, с. 25].

В этом преуспели британские профсоюзы. Британский тип профсоюзного движения развивался по тред-юнионистскому образцу и характеризуется консолидацией профдвижения. Однако определяющей особенностью британских профсоюзов, на наш взгляд, является их опыт разностороннего сотрудничества с политическими партиями, а именно с Лейбористской партией: «Лейбористская партия была создана профсоюзами как политический инструмент для отстаивания своих позиций в парламенте и принимала активное участие в выборах [4, с. 25].

Убедительным свидетельством эффективности такого вида профсоюзной работы являются достижения на практике. Например, самым успешным в профсоюзной деятельности стал период, «когда лейбористы находились у власти и профсоюзы смогли прямым образом повлиять на политику законодателей и правительства» [10, с. 42]». Другим методом политического влияния британских профсоюзов является все тот же метод применения акций протеста и забастовок.

Профсоюзы Германии относятся к германо-скандинавскому типу профсоюзного движения. Несмотря на то, что в своих уставных документах они указывают о своей независимости от политических партий, на самом деле они сохраняют тесные связи с политическими партиями социал-демократической ориентации [5, с. 19]. Разрабатывая программу действий, профсоюзы координируют деятельность с политическими партиями не только в социально-экономической, но и в политической сферах, включая активное сотрудничество в избирательных кампаниях. В то же время профсоюзы Германии отличаются достаточной самостоятельностью от своих политических партнеров. И, конечно, не последнее значение имеет стачечная борьба, которая несет в себе политическое направление.

Хотя следует иметь в виду и различные законодательные ограничения в деятельности европейских профсоюзов. Например, в Германии права профсоюзов, особенно право на забастовку, всегда были объектом строгих законодательных ограничений. Забастовка может быть санкционирована, только если речь идет о зарплате или о сроках контракта, политические же стачки обычно нелегалы.

Для анализа профсоюзного движения стран постсоветского пространства за основу возьмем украинское профсоюзное движение. Стоит заметить, что в 90-х годах XX века его политизация была обусловлена острой необходимостью в новых методах деятельности. Поэтому профсоюзы переосмыслили приоритеты своей деятельности в сторону политической сферы, для чего и использовали опыт европейских профсоюзов. А именно, как и британские тред-юнионы, так и Федерация профсоюзов Украины во

время избирательной кампании 1998 года создала Всеукраинскую партию трудящихся [6], чем вызвала дискуссии среди политиков. И хотя партия не набрала необходимого количества голосов, опыт ее создания свидетельствовал о серьезном намерении профсоюзов войти в большую политику для достойного лоббирования интересов своих членов.

В уставных документах украинские профсоюзы, как и немецкие, указывают на свою независимость от политических партий, но на практике чаще всего использовали метод сотрудничества с ними. Особенно это заметно во время избирательных кампаний, когда политические партии и профсоюзы не против использования политического потенциала своего партнера. К тому же стоит признать, что украинские профсоюзы больше, чем европейские, подвергаются влиянию различных политических сил, которые пытаются использовать профсоюзные возможности в собственных интересах, что еще больше отдаляет профсоюзное движение от единства во взглядах и принципах деятельности.

В течение 90-х гг. XX в. для украинских профсоюзов забастовочная борьба была чуть ли не главным методом влияния на власть в деле отстаивания прав и интересов рабочих, при чем имели место и забастовки политические [11]. В этой связи Е. Бернштейн еще в начале XX века отмечал, что любая забастовка, даже при всей яркости экономического аспекта, имеет политическое значение [3, с. 98]. Если же к этому добавить, что профсоюзные организации являются той структурой, через которую наемные работники высказывают свои претензии и требования, то значимость профессиональных союзов вплотную приближает их к политической деятельности.

Интересное мнение в связи с этим высказал немецкий ученый Ф. Хоффер. Хотя профсоюзы в Германии, утверждает он, и независимые от государства и политических партий «это вовсе не означает их аполитичности по многим вопросам общественного развития» [12, с. 106].

Стоит отметить, что сегодня в исследовании проблемы политической деятельности профсоюзного движения есть много противоречий и «необъективности» подходов. В определенной степени их можно объяснить предвзятостью исследователей к профсоюзам за их советское прошлое, когда они выступали только орудием чужой политической воли, что мешает воспринимать профсоюз как самостоятельную структуру с большим политическим потенциалом.

На этой почве в украинской и российской общественности выделились два противоположных взгляда на проблему целесообразности политической деятельности профсоюзов.

Довольно распространенным является взгляд, что профсоюзы должны заниматься только защитой социально-экономических интересов своих членов, в то время как политика относится к компетенции политических партий. Российский политик С.В. Храмов вообще лишает профсоюзы также права организовывать митинги и собрания в защиту трудящихся, видя в этом шаг к превращению их в идеологическую «богадельню» [1, с. 83]. А российская исследовательница Н. Кириллова видит политическим «законное стремление профсоюзов выразить свое отношение к тем или иным мер экономической и социальной политики государства» [7, с. 90].

Таким образом, сама собой напрашивается мысль о том, что в профсоюзах заложен огромный политический потенциал, который может быть реализован в необходимое для этого время. И чтобы там не писали историки профсоюзного движения относительно целесообразности политической деятельности союзов, бесспорным остается факт непосредственной близости их традиционной функциональной деятельности к большой политике.

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу, что для мирового профсоюзного движения характерны следующие формы политической деятельности: сотрудничество с политическими партиями, применение акций протеста и создания профсоюзной политической партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтернативные профсоюзы: возможности и реальность // Социс. – 1990. – № 2. – С. 79-84.
2. Балан Д. М. Участь Федерації професійних спілок України у виборчих кампаніях народних депутатів України 1994 та 1998 років: історія та уроки / Д. М. Балан // Профспілки України. – 2001. – № 4. – С. 27-34; Русначенко А. Пробудження: робітничий рух на Україні в 1989 – 1993 роках. – К.: КМ АКАДЕМІА, 1995. – 230 с.
3. Бернштейн Э. Забастовка. Её сущность и деятельность / Э. Бернштейн; [перевод с немецкого]. – СПб., 1907. – 107 с.
4. Головки С. Участь профспілок у виборах. Досвід британських тред-юніонів / С. Головки // Нова політика. – 1998. – № 3-4. – С. 25-27.
5. Дубровський М. Л. «Рецепти» дій профспілок. Чи підходять вони для України? / М. Л. Дубровський, Л. С. Чернявський // Профспілки України. – 1998. – № 3. – С. 2-32.
6. Звернення до членів профспілок, профспілкового активу Федерації профспілок України // Поточний архів Федерації профспілок України.

7. Кириллова Н. О свободе объединений и коллективных договорах / Н. Кириллова // Человек и труд. – 1995. – № 6.
8. Лапина Н. Ю. Профсоюзное движение Франции в 80-е годы: вопросы теории и практики / Лапина Н. Ю. – М. : Наука, 1989. – 152 с.; Лапицкий М. И. Профсоюзы США: политические традиции и современность / М. И. Лапицкий. – М. : Наука, 1990. – 120 с.
9. Маркс К. Сочинения в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – [2-е изд]. – М. : Издательство политической литературы. – Т. 33. – 772 с.
10. Профсоюзы и политическая деятельность // Міжнародний профспілковий рух (досвід, вартий уваги). – Спецвипуск журналу «Профспілки України». – Травень 1997. – С. 41-43.
11. Романенко Е. Донецкий стачком: «Нам не нужны президент и народные депутаты, которые не слышат своего народа» / Е. Романенко // Киевские ведомости. – 1993. – 11 июня.
12. Хоффер Ф. Профсоюзы и советы предприятий (Представительство интересов наемных работников в условиях социальной рыночной экономики Германии) // Полис. – 1993. – № 1. – С. 38-43.
13. Gérard Couturier. Droit du travail. T. 2: Les relations collectives de travail. – Paris, 1994. – P. 405.
14. Gérard Mermet. Francoscopie. Qui sont les Français? – Paris, 1995. – P. 343.
15. La planification des travailleurs aux décisions dans l'entreprise. Colloque d'Oslo. – Genève, 1974. – P. 265.

АННОТАЦИЯ

Евсюкова Н. В. Политизация профсоюзного движения на постсоветском пространстве сквозь призму европейского опыта

В данной статье с помощью сравнительного анализа политической деятельности профсоюзов отдельных стран автор определяет целесообразность и перспективность такого вида деятельности массовой организации в странах постсоветского пространства.

Ключевые слова: акции протеста, защита, модель, политическая деятельность, политические партии, профсоюзы.

SUMMARY

Evsukova N. V. Politicization of the trade union movement in the post-Soviet space through the lens of European experience

In this article, through a comparative analysis of the political activities of trade unions of individual countries, the author determines the feasibility and prospects of this type of activity of a mass organization in the countries of the post-Soviet space.

Key words: protests, protection, model, political activity, political parties, trade unions.

УДК 94(44)«1404/1463»

МАРИЯ АНЖУЙСКАЯ, ТИХАЯ КОРОЛЕВА

Историография XIX и большей части XX в. молчаливо, а порой и гласно, игнорировала некрасивую супругу Карла VII. Вслед за отсутствием внешней привлекательности «тихой королеве Марии» отказывали в разуме и воле, всю ее сознательную жизнь после раннего замужества представляли в виде бесконечной череды рутинных дней, проводимых за вышиванием, чтением священных книг и, наконец, воспитанием многочисленных отпрысков.

Однако, чем яснее становилась подлинная роль, сыгранная ее великой матерью, Иоландой Арагонской, по выражению Людовика XI, «женщиной с мужским сердцем», в современной историографии уважительно именуемой «женщиной, выигравшей Столетнюю войну» и «создательницей Франции» [4, с. 380-388], тем более интригующим становился вопрос о роли, сыгранной, быть может, неофициально, незаметно для любопытных глаз, ее неприметной дочерью-королевой. В последние десятилетия не так давно закончившегося XX века на все вопросы стало возможно дать хотя бы первые, пусть и приблизительные ответы.

Мария, дочь Людовика II Анжуйского и его супруги Иоланды Арагонской, появилась на свет, по всей видимости, зимой 1404 г. В самом деле, в отличие от своей красавицы-матери и видного отца, девочка отличалась более чем неказистой внешностью. Чрезмерно длинный нос – наследственная черта всех Валуа, на ее лице приобрел характер откровенно гротескный, в первую очередь, бросаясь в глаза любому зрителю так, что злоязычный Ангерран де Монтреле, официальный хронист герцогов Бургундии отмечал в своих сочинениях, что бедняжка могла «одним видом своим обратить в бегство англичан».

Мария, получившая имя в честь бабушки по отцовской линии – Марии де Блуа, выросла в дружном и очень сплоченном анжуйском семействе. О начальном образовании будущей королевы практически ничего неизвестно. По косвенным данным можно судить, что Мария владела грамотой и достаточно глубоко знала математику, а также в совершенстве умела вести сложное дворцовое хозяйство. Эти немалые по тогдашним временам знания окажутся в полной мере востребованы в тягчайшие для королевской четы времена, когда «за обед монархов платили повара», и для того, чтобы в достаточной мере обеспечить своим детям содержание и образование, полагающееся

им по праву рождения, королева Мария будет вынуждена вести оптовую торговлю вином, в чем благополучно преуспеет. Без всякого сомнения, будущая королева отнюдь не унаследовала выдающихся политических талантов своей матери, но зато в полной мере обладала здоровым рассудком и сильной волей, позволившей ей с честью преодолеть все немалые испытания, выпавшие на первые десятилетия ее замужества.

Вся жизнь королевы Марии пройдет в тиши дворцов – в начале герцогского, позднее королевского, и ровное течение ее существования лишь время от времени будет нарушаться непредвиденными ситуациями, в которых тихая королева будет просто вынуждена призывать на помощь все свои возможности, и каждый раз с честью сумеет выйти из этих испытаний, при всей незаметности и скромности сыграв выдающуюся роль в благополучном завершении Столетней войны.

Ранние годы будущей королевы прошли под знаком военных действий с англичанами, начавшихся вновь после долгой череды перемирий, когда молодой и честолюбивый Генрих V, занявший престол своего рано умершего отца, счел для себя лучшим возобновить притязания своих предков на корону Святого Людовика. К внешней угрозе прибавилась гражданская война, расколовшая страну на два лагеря: сторонников герцогов Орлеанского и Бургундского, оспаривавших друг у друга регентскую власть при безумном короле Карле VI [1; 4, с. 51]. Впрочем, до спокойных Анжера и Сомюра, а также до южных, прованских владений Людовика Анжу, где прошло детство будущей королевы, военная гроза в те времена не доходила, представляясь лишь чередой добрых или дурных новостей.

Отец будущей королевы, герцог Людовик был озабочен проблемой завоевания неаполитанской короны, которую уже второе поколение анжуйских властелинов, оспаривало у узурпатора Карла Дураццо (а позднее – его сына). Противостояние это началось в тот момент, когда стареющая бездетная Джованна I, королева Неаполя, пожелала усыновить Людовика I (деда Марии Анжуйской), с условием, что он сумеет надежно защитить ее от поползновений претендента. Однако, французское вторжение в Италию закончилось ничем, Людовик I скончался от болезни во время похода, и Карл Дураццо, расправившись с королевой, занял неаполитанский трон. Желая вернуть «свое достоиние», Людовик II должен был обеспечить себе крепкий тыл, что было возможно лишь добившись благосклонности своего могущественного соседа – герцога Бургундии. Долгое время сохранявшее нейтралитет в междоусобной войне анжуйское семейство формально примкнуло к бургундцам. Закрепляя наметившийся союз, Людовик официально попросил руки Катерины Бургундской (дочери герцога Жана) для своего старшего

сына – Людовика (будущего Людовика III Анжу). Согласие было дано. Малолетняя Катерина Бургундская прибыла в Анжер, где, по обычаям времени, должна была воспитываться в семье будущего супруга и вступить в брак «придя в приличествующий для того возраст» [4, с. 49].

Неудавшийся поход в Италию и восстание кабошьенов в Париже круто изменили позицию Людовика Анжуйского. Он открыто порвал со своим недавним союзником, отослал назад неудавшуюся невесту вместе с ее приданым. Людовик и Иоланда всерьез задумались о том, чтобы породниться с королевским семейством.

В это время из детей Карла Безумного и его супруги Изабеллы Баварской не состояли в браке только двое младших. Понимая, что Катерину Французскую, предуготовленную в жены кому-либо из европейских монархов, вряд ли отдадут за наследника титулярного короля Неаполя, Иоланда и Людовик остановили свой выбор на младшем сыне королевской пары, носившем в те времена скромный титул графа Понтье. В 1413 г. у Карла Понтье были живы двое старших братьев, посему, вряд ли кто-то мог предположить, что именно ему предназначено было стать следующим королем Франции.

Иоланда отправилась в Париж и без труда сумела добиться согласия слабохарактерной королевы Изабеллы на этот брак. Помолвка Марии и Карла была отпразднована зимой 1413-14 г., после чего юный жених с согласия матери перебрался в Анжер, где оставаться было куда безопасней, чем в вечно мятежном Париже [4, с. 87-88].

Он вернется в столицу вместе с невестой в апреле 1417 г., уже в качестве наследника престола, после скоропостижной кончины обоих старших братьев. Резиденцией Марии в Париже станет особняк ее родителей – Богемский отель. Здесь ее настигнет очередное возмущение городских низов, распаляемое сторонниками герцога Бургундии. Глава Орлеанской партии граф Арманьяк был убит, дофин едва ли не в последний момент успел бежать под защиту будущей тещи (герцог Людовик к этому времени уже успел скончаться от тяжелой болезни), а его юная невеста превратилась в пленницу. Тринадцатилетняя Мария в первый раз явила свой недюжинный характер, приказав свите сопровождать ее по темным улицам в попытке если не вырваться из города (что вряд ли было возможно), то хотя бы скрыться в более надежном и подготовленном к защите Бурбонском отеле, которым владела родственница семейства Анжу. План удался практически целиком. Мария отделалась потерей украшений, снятых с нее восставшими, и стала пленницей вступившего в столицу герцога Бургундии [2, с. 80-84].

Следующие несколько месяцев для этой девочки-подростка, практически оставленной на произвол судьбы, пройдут под знаком тяжелой психологической борьбы. С помощью лести, лжи, неприкрытого давления и шантажа ее из раза в раз пытались принудить вернуть беглого дофина в Париж: или написать ему соответствующее письмо, или, обязавшись клятвой на Св. Евангелиях, самолично отправиться за ним. Она наотрез отказалась. Герцог Жан распорядился уменьшить ее свиту (в конечном итоге остались две фрейлины) и урезать расходы на ее содержание и стол. Мария стойко держалась до тех пор, пока 16 сентября во время очередного раунда переговоров Жан Бургундский в качестве жеста доброй воли не приказал освободить пленницу и возвратить ее матери и жениху [2, с. 80-84].

По причине нервного истощения Марии пришлось на неделю задержаться в Туре, чтобы восстановить здоровье. Следующие несколько лет пройдут для нее в тишине и забвении, когда эта вечная невеста и никак не могущая состояться супругой будет коротать дни за вышиванием и чтением благочестивой литературы, ожидая возвращения своего избранника, который с неизменным упорством будет ее игнорировать. Причину того видят как во внешности невесты, не вызывавшей у Карла любовных переживаний, так и во влиянии временщика – президента Прованса Жана Луве, когда-то состоявшего на службе Иоланды. Он в погоне за единоличной властью над дофином (а в перспективе – над той частью Франции, властелином которой тот еще оставался) предпочел предать свою госпожу. Супруга временщика Магдалена де ла Гав и его младшая дочь Мария были приставлены шпионить за Марией и доносили отцу и супругу о каждом шаге невесты дофина [2, с. 110-118, 3, с. 110-120]. Лучшей невесты, чем тихая (и посему, казавшаяся безопасной) Мария, временщик для своего протекже найти не сумел или не пожелал. Кроме того, королевская свадьба давала возможность неплохо погреть руки на налогах, собирающихся ради подобного случая. Посему стараниями Луве, и при полном согласии матери невесты королевы Иоланды, 2 апреля 1422 г. свадьба дофина Франции стала реальностью. О нужде, которую терпел двор в изгнании в это время, можно судить по тому, что для украшения дворца в ознаменовании столь радостного события пришлось просить займы ковры герцогов Орлеанских [3, с. 121].

Луве, главный организатор свадьбы, явно обманулся в том, что касалось бесхребетности и покорности новой дофины, и подобную ошибку совершит не он один. Стараниями временщика Иоланда была удалена от двора дофина в изгнании. Однако, тайную переписку с матерью постоянно поддерживала Мария, используя старую

фрейлину Жанну дю Мениль, в прежние времена – воспитательницу королевских детей [2, с. 118-126].

Свержение Луве и его клики, мастерски спланированное Иоландой, не привело, и по большому счету, не могло привести к желаемому результату. Инфантильный и нерешительный Карл, избавившись от одного временщика, немедленно попал под влияние другого, которым стал 44-х летний Пьер де Жиак, искушенный во всех видах подковёрной борьбы. Впрочем, и этот (как утверждали, чернокнижник и колдун), не сумел разглядеть опасности, исходившей от незаметной и тихой Марии Анжуйской. Попробовав изначально повлиять на супруга и ничего этим не добившись, она для виду вынуждена была отступить и даже оказывать внешние знаки милости временщику, готовя вместе с матерью новый дворцовый переворот.

В феврале 1426 г. вооруженный отряд во главе с Жоржем де ла Тремойль ворвался в супружескую спальню Жиаков, и выволок фаворита, чтобы доставить в Дюн-ле-Руа для скорого суда и казни [3, с. 128]. Задача королевы Марии была достаточно скромной и в то же время важной: уговаривать и удерживать при себе супруга, не позволяя ему вмешаться в происходящее. Мария Анжуйская (королева Франции) сумела отлично исполнить свою роль. С Жиаком было покончено, король уже на следующий день забыл о своем прежнем любимце и вместо того с похвалой отозвался о теще, которая «по-прежнему верно ему служит» [2, с. 150-155].

На следующие несколько лет Мария Анжуйская вновь уходит в тень, и заявляет о себе в самый критический момент в истории Франции. После начала осады Орлеана, павший духом король готов был бежать в Испанию, Шотландию или, наконец, в Дофине, оставив страну в руках своего победоносного соперника. Причины для подобного настроения были: Орлеан являлся последней крупной крепостью, закрывавшей дорогу на Бурж – столицу короля в изгнании. После падения Орлеана последняя карта молодого короля была бы окончательно бита.

В том, что этот пораженческий план так и не стал явью, во многом была заслуга королевы Марии. Она продала свои драгоценности, чтобы на вырученные деньги оплатить армию, которой предназначалось снять осаду.

Решимость королевы Марии, уговорившей супруга повременить с решением вплоть до окончательной победы (или поражения) под Орлеаном, дала возможность выиграть время. У молодой королевы были и другие основания для оптимизма. Младший брат королевы Рене, наследник герцогства Бар, уведомил о появлении в его владениях некоей «пророчицы из Домреми» (сейчас мы знаем ее под именем Жанны д'Арк) [2, с. 175-180].

Взяв с супруга слово не предпринимать никаких поспешных действий и передав ему вырученные от продажи драгоценностей деньги, Мария поспешила с новостями к матери в Анжер. Дальнейшее известно из истории: деятельная Иоланда взяла ситуацию в свои руки, в Вокулер получил категорический приказ доставить Жанну ко двору короля в изгнании. Были выделены телохранители (Колен де Вьенн и лучник Ришар, состоявшие на службе королевы Иоланды) ради ее безопасности.

Нам неизвестно, присутствовала ли королева Мария в главном зале замка в Бурже в момент встречи Жанны с ее супругом, но вряд ли стоит сомневаться, что она пристально следила за событиями. Очередной временщик – де ла Тремойль, как видно, извлекий уроки из печальной судьбы своих предшественников, сумел уговорить покорного монарха не позволить Марии присутствовать на церемонии коронации (возможно, из страха, что вслед за ней прибудет королева Иоланда – с известными для временщиков последствиями). Мария не возражала, однако, нам с точностью известно, что во время знаменитого похода королевской армии (под номинальным руководством монарха, и вполне реальным – Жанны и ее штаба), от Орлеана к городу помазания – Реймсу, в свите короля присутствовали «глаза и уши» королевы Марии и ее энергичной матери, т.н. «трое анжуйских дворян».

Последним аккордом в известной нам на сегодня политической карьере королевы Марии будет ее деятельное посредничество во время ссоры Карла VII со своим своенравным наследником. Известно, что Людовик, покушаясь на жизнь и трон отца, возглавил возмущение принцев (т.н. «Прагерия»), на что возмущенный монарх ответил ему угрозой лишения наследства и передачи такового младшему сыну Карлу. И снова тихой королеве пришлось вмешаться, чтобы отговорить супруга от этой поспешной затеи, могущей закончиться исключительно гражданской войной [2, с. 220-235].

В последние годы жизни супруга, как известно, постаревшая Мария ушла в тень, уступив место у трона знаменитой Агнессе Сорель, а после смерти короля Карла приняла постриг в монастыре Сен-Максен (Пуату). Ей удастся пережить супруга всего лишь на несколько лет, которые она проведет в молитвах за упокой его души, пока, наконец, по окончании тяжелого путешествия к знаменитому святилищу Сантьяго-де-Компостела, Мария окончательно не сляжет. Ее не станет 29 ноября 1463 г. Прах тихой королевы Марии Анжуйской, без шума и помпы оказавшей столько неоценимых услуг своей стране до настоящего времени обретается в Сен-Дени, усыпальнице французских королей, рядом с могилой ее супруга. Короткая эпитафия гласит: «Здесь покоится Королева Мария,

дочь короля Сицилии, герцога Анжуйского, супруга Короля Карла VII, каковая царствовала вместе с супругом и преставилась в предпоследний день ноября MCCCCLXIII года. Молитесь за нее».

ЛИТЕРАТУРА

1. Favier, J. La guerre de cents ans / Jean Favier. – Paris: Fayard, 1980. – 678 p.
2. Frager, M. Marie d'Anjou, femme de Charles VII (1404-1463) / Marcel Frager. – Paris: Editions de Paris, 1948. – 270 p.
3. Garnier, R. Dunois, le Bâtard d'Orléans (1403-1468) / Robert Garnier. – Paris: F.Lanord, 1999. – 352 p.
4. Senneville, G. de Yolande d'Aragon, la reine qui a gagné la guerre de Cents ans / Gérard de Senneville. – Paris: Perrin, 2008. – 384 p.

АННОТАЦИЯ

Лионидас Зон. Мария Анжуйская, тихая королева.

Королева Мария, некрасивая супруга Карла VII Победителя, всегда недооценивалась как российскими, так и европейскими историками. Она считалась посредственной, лишенной ума и мужества. Она провела всю свою семейную жизнь без остатка погрузившись в заботы о многочисленных детях, которых дала французской короне. Исследования второй половины 20-го века смогли выявить тонкий, но сильный характер, здравый смысл и замечательную волю, которые она проявила в самые критические моменты французской истории.

Ключевые слова: Мария Анжуйская, Карл VII, Жан Бесстрашный, восстание кабошьенов, фавориты, Жанна д'Арк.

SUMMARY

Lionidas Zoe. Mary of Anjou, the Quiet Queen.

Queen Mary, the ugly spouse of Charles VII, the Victor, has long been underestimated by both Russian and European historians. She has been considered as mediocre, lacking both intelligence and courage, having spent her entire married life absorbed with the care of the multiple children she gave to the French crown. The research performed in the second half of the 20th century managed to reveal a subtle but strong character, a good sense and a remarkable will showing itself in the French history at its most crucial points.

Key words: Mary of Anjou, Charles VII, John the Fearless, Cabochien uprising, favorites, Joan of Arc.

УДК 94(47)«1914/1918»

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начиная с Канта, философия, так или иначе, говорит нам о том, что возможности познающего субъекта ограничены, а наши суждения и представления, как правило, поверхностны и часто не отображают сущность объекта полностью. Иными словами, часть познаваемого объекта постоянно ускользает из поля зрения познающего. Так, говоря о войне, мы обычно представляем себе солдат, прозябающих в окопах или штабных офицеров, склонившихся над стратегическими картами, но практически никогда – рабочих в литейном цехе или крестьян в пшеничном поле. Поэтому зачастую мы упускаем из внимания базовый аспект любой войны – экономический.

Как бы претенциозно ни звучало, но театр боевых действий – это основная, но отнюдь не основополагающая часть войны. Армия – это всего лишь наконечник копья – его поражающая часть, однако боевая эффективность этого копья определяется длиной древка; древком же, в данном случае, выступает синтез социально-экономических показателей, направленных на обеспечение потребностей армии. В военное время солдат чувствует острую потребность в самоотверженном труде рабочего и крестьянина, так же как крестьянин и рабочий чувствует острую потребность в самоотверженном подвиге солдата. Фронт и тыл связаны единой целью, во многом именно от слаженности их работы зависит исход военных кампаний.

История переполнена печальными примерами, когда боееспособные армии, имеющие во главе талантливых полководцев, несли тяжелые поражения из-за невозможности получения нужного тылового обеспечения. Горький опыт русско-японской войны, наглядно проиллюстрировал российскому командованию, жизненно важную необходимость слаженной работы армии и тыла. Одна из основных причин фиаско русской армии, которая имела шестикратное численное превосходство над силами неприятеля, крылась в фактической неспособности своевременного обеспечения армии, причиной которого стала критическая удаленность театра боевых действий от тыла, и невозможности транспортной системы в сжатые сроки покрывать эту удаленность.

Российская империя преобразовала полученный негативный опыт в позитивные реформы, которые были проведены в период с 1907-1913 гг. и значительно повысили мобилизационную способность государства. Основной доктриной стала цель – в мирное время сделать все возможное, чтобы сократить сроки мобилизации. Позитивные сдвиги в российской экономике накануне войны были отмечены не только партнерами по блоку, но и оппонентами, начальник немецкого генерального штаба Хельмут Мольтке младший отмечал: «Боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала исключительные успехи и находится ныне как никогда на еще не достигавшейся высоте. Следует в особенности отметить, что она некоторыми чертами превосходит боевую готовность других держав, включая Германию...» [6, с. 22].

Однако, несмотря на позитивные сдвиги в мобилизационной политике и модернизации армии, Россия фактически не была готова к Первой мировой. Возможно ее «боевая готовность» и «сделала исключительные успехи», но лишь по меркам подготовки к еще одной «маленькой победоносной войне», негативный опыт которой и пыталась компенсировать. Мольтке младший, описывая успехи Российской империи и оценивая их в контексте надвигающейся войны, мыслил теми же категориями, ведь Германия готовилась к блицкригу. Вступая в войну, Европа абсолютно не была готова к тому, что та станет беспрецедентным событием мировой истории, правительство и командование стран-участниц было уверено, что война будет скоротечной. Вера эта основывалась на всеобщей мысли о том, что военные технологии в течение последних десятилетий сделали значительный рывок вперед и при их наличии война просто не может быть затяжной. Реальные же боевые действия показали, что хотя армии и освоили методы борьбы новыми средствами, они в то же время еще не выработали методы борьбы против них. Война затянулась, так как попытка использования новых средств ведения войны вместе с устаревшим подходом к ее ведению формировали замкнутый круг.

Длительные периоды позиционной войны, как на Западном, так и на Восточном фронте, пусть не сразу, но все же развеяли иллюзии относительно скорого окончания войны. Проблема заключалась в том, что экономика стран-участниц не была рассчитана на тяготы затяжной войны, которая окончательно истощила Европейские страны и привела к глубокому экономическому кризису с ее окончанием.

Что касается Российской империи, то в Первую мировую войну она вступает, занимая пятое место в мире по объемам промышленного производства, при учете того, что превосходила передовые государства по территории, объемам минерально-ресурсной базы и

численности населения. «По таким важнейшим показателям уровня промышленного развития, как выработка электроэнергии, добыча каменного угля, выплавка чугуна и стали, выплавка меди и выпуск машин, Россия занимала в мировом производстве соответственно 15, 6, 5, 7 и 4-е места» [4, с. 8].

Отсталость военно-промышленного комплекса России была обусловлена рядом исторических особенностей, которые даже с учетом опыта русско-японской войны и Первой русской революции не могли быть преодолены. Индустриализация в Российской империи активно начинается лишь в последней четверти XIX века, это толкало ее на преодоление почти вековой отсталости от передовых государств форсированными темпами, из чего вытекают две последующие проблемы. Во-первых, широкое привлечение иностранных специалистов и иностранного капитала, с последующим увеличением удельного их удельного веса в российской экономике. Например, в южную металлургию и донецкую угольную промышленность было вложено более 90% иностранного капитала [5, с. 141]. При этом иностранные вкладчики в первую очередь выражали экономические интересы своего государства, а с началом боевых действий активизировался отток иностранного капитала и специалистов с предприятий. Во-вторых, нерациональность и неравномерность размещения промышленности: отрыв производства от сырьевых баз и транспортных узлов. Например, на территории Донбасса добывалось около 87% угля, а основная его масса потреблялась в промышленных районах центра [5, с. 139]. Промышленность Петрограда и Прибалтики работала на английском угле, ввоз которого составлял 22% от внутреннего производства, но при этом с учетом фрахтов и пошлин обходился дешевле, чем транспортировка Донецкого угля [5, с. 158].

Все эти факторы в значительной мере тормозили темпы развития промышленности и ее производительность в условиях мирного времени, в условиях масштабной и затяжной войны они привели к критическим последствиям. Уже на начальном этапе войны ощущался сильный дефицит, как оружия, так и боеприпасов, который даже с учетом колоссальных закупок за рубежом не мог быть покрыт. Осознавая всю катастрофичность своего положения, правительство Российской империи пытается нивелировать все недочеты в экономике страны, в связи с чем обращает особое внимание на потенциально более производительные промышленные регионы.

Одним из таких регионов был Донецкий бассейн, основной угольно-металлургический район Российской империи, стратегическое значение которого в условиях военного времени сложно переоценить. Помимо того, что основу промышленности

здесь составляет производство топлива и металла – ресурсов, занимающих место среди первоочередных в военной экономике, на Донбассе менее отчетливо прослеживались негативные черты, характерные для русской промышленности. Индустрия Донбасса не была оторвана от сырьевых баз и сбыта, а формировала последовательную цепь производства «уголь-кокс-металл», что также способствовало созданию разветвленной транспортной сети внутри региона. Все это приводило к колоссальной экономии времени в тылу, которое на фронте исчислялось человеческими жизнями, а также колоссальной экономии государственного бюджета, который ежедневно в 1915-1917 гг. на военные расходы выделял: 25,7 млн. руб., 41,7 млн. руб. и 58,4 млн. руб. соответственно [1, с. 32].

Данные из «Докладной записки по вопросу эвакуации Петроградских заводов Русского общества для изготовления снарядов в Юзово» от 17 ноября 1917 г. численно иллюстрируют, как вышеуказанные факторы сказываются на стоимости производства. Решение об эвакуации Петроградского Минного и Снарядного заводов в Юзовку было обусловлено их отрывом с началом войны от импорта сырья и топлива для производства. Главное Артиллерийское Управление удостоверило 30 июня 1916 г., что «постройка завода... вызывается потребностями настоящей войны и необходима для дела Государственной обороны» [8], приблизительно в это время начинается реализация плана.

В Докладной записке говорится о сметной стоимости постройки завода с указанием сумм, которые за счет экономии окупают эту стоимость в течение года. «При годовой потребности заводов в 5 000 000 пудов стали и железа, 2 500 000 пудов угля и 15 000 000 киловатт часов электроэнергии экономия в расходах по одному только транспорту необходимого количества металлов и угля выражалась бы в сумме 5 000 000 руб., если бы заводы по переносу проработали в Юзовке полным темпом один год» [7]. Далее приводится ремарка, что сумма должна быть повышена за счет среднего уровня зарплаты рабочих, который на Донбассе ниже. Установление руководством завода контактов с Новороссийским Обществом позволило закупать снарядную сталь «почти на рубль за пуд дешевле, чем это имело место при других обстоятельствах» [7], что также выражалось в сумме 5 млн. рублей в год. Таким образом, суммарная экономия годового функционирования всего одного завода на территории Донбасса в сравнении Петроградом исчислялась более чем в 10 млн. рублей.

Преимущества промышленности Донецкого бассейна для военной экономики заключались не только в последовательности цепи производства «уголь-кокс-металл», но и в самоценности каждого отдельного звена для военного времени. Если

значение каменного угля и металла для фронта – очевидно, то сам по себе кокс не имеет военного применения, однако важны побочные продукты коксования угля – ароматические углеводороды, используемые в изготовлении взрывчатых веществ. Донецкая коксовая промышленность, по сути, стала одним из краеугольных камней для зарождения русской химической промышленности, которая до войны практически не была развита, в первую очередь в связи отсутствием спроса на бензол в мирное время, существующий же спрос полностью покрывался за счет поставок бензольной продукции из Германии. «Получался замкнутый круг, своего рода бензольное кольцо, в котором оказалась российская химическая промышленность – производство красителей, медикаментов и взрывчатых веществ работало на импортном сырье, потому что не было своего, тогда как производители сырья – реальные и потенциальные – не могли развивать свое производство, поскольку не было сбыта» [2, с. 432].

Проблема бензольной промышленности является четким примером вышеупомянутых негативных факторов русской экономики: от абсолютного непонимания высшим командованием масштабов, а следовательно, и запросов надвигающейся войны до засилья иностранных специалистов и капитала, отстаивающих в первую очередь интересы своего государства.

С началом Первой мировой войны незамедлительно появился спрос на бензол, при этом основной его поставщик по вполне очевидным причинам исключался. В связи с этим уже в конце июля 1914 г. Главным Артиллерийским Управлением в Донбасс была отправлена комиссия под председательством профессора А. В. Сапожникова для изучения вопроса о возможности создания отечественного бензольного производства. «Эта комиссия, объездив все заводы, занимавшиеся коксованием углей, пришла к заключению, что количество добываемого у нас сырого бензола очень мало, а организовать дело получения толуола в значительных количествах в Донецком Бассейне на коксовых заводах потребует большого времени, до 1,5 лет, и вообще сопряжено с большими техническими затруднениями» [3, с. 436]. Исходя из выводов комиссии, было решено покрыть дефицит за счет поставок из-за рубежа, преимущественно из США, однако американская бензольная промышленность, форсировано развивающаяся под влиянием колоссального спроса Антанты, не могла в краткие сроки значительно приумножить промышленную мощность бензольного производства.

Неразрешенность «снарядного голода» на фронте заставляет Главное Артиллерийское Управление вернуться к вопросу создания

отечественного коксобензольного производства. Была сформирована вторая комиссия в Донбасс, возглавляемая профессором органической химии, генерал-майором В. Н. Ипатьевым, которая отправилась в Донбасс 17 ноября 1914 г., а результаты ее работы были представлены Ипатьевым уже 19 декабря 1914 г. [3, с. 437-439].

«Комиссия обследовала все коксовые заводы и разделила их на три группы: заводы с полной рекуперацией, составляющие меньшинство, средние и крупные заводы с неполной рекуперацией, заводы без рекуперации, составляющие большинство [2, с. 427-428]. Комиссия указывала на техническую и экономическую нецелесообразность постройки при каждом, даже крупном предприятии ректификационного завода, гораздо более эффективной оказалась бы постройка одного завода большой мощности, который находился бы в центре коксопроизводящего района, наиболее подходящей для этих целей комиссия сочла Макеевку [2, с. 429]. Параллельно ведется постройка бензольного завода при крупнейшем в регионе коксовальном в Кадиевке. Оба завода начали функционировать уже к сентябрю 1915 года. «В итоге, начиная с июня 1915 г. в Российской империи происходит заметный рост коксобензольной промышленности» [2, с. 437], которая в свою очередь значительно влияет на увеличение производительности заводов взрывчатых веществ, что подтверждается статистикой их производства за 1915 г.: в феврале 6,3 тыс. пудов, в апреле – 17,4, в июне – 37,4, в августе – 53,9 и в октябре – 85,4 тыс. пудов [3, с. 454].

Таким образом, промышленность Донбасса занимала важное место в контексте военной экономики Российской империи в годы Первой мировой войны, что было обусловлено рядом факторов.

Во-первых, индустрия Донецкого бассейна интенсивно развивалась в начале XX века, а его минерально-ресурсная и промышленная база позволяла формировать относительно замкнутый цикл производства, функционирующий за счет собственного сырья.

Во-вторых, горная промышленность Донбасса, с потерей Домбровского бассейна и возможности ввоза английского угля, обеспечивает топливом транспорт и индустрию, помимо собственного, Центрального и Северо-Западного промышленных регионов.

В-третьих, коксовальные заводы Донбасса послужили основой для создания российской бензольной промышленности, что позволило частично разрешить вопросы «снарядного голода» на фронте.

Однако, несмотря на свою потенциальную значимость и значительный вклад в военную экономику, промышленность Донбасса смогла лишь частично нивелировать более масштабные и глубокие негативные аспекты экономики Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев Г. Д. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. / Г. Д. Дементьев. – Пг. : Тип. ред. период. изд. М-ва Финансов, 1917. – 54 с.
2. Дмитриев И. С. Бензольное кольцо Российской империи (создание коксобензольной промышленности на Юге России в годы Первой мировой войны / И. С. Дмитриев // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. – СПб. : Нестор-История, 2007. – С. 412-440.
3. Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика: воспоминания. Том I: 1867-1917 / В. Н. Ипатьев. – Нью-Йорк, 1945. – 562 с.
4. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны / И. В. Маевский. – М. : Госполитиздат, 1957. – 391 с.
5. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну / Г. И. Шигалин. – М. : Воениздат, 1956. – 332 с.
6. Ясинский В. В. Отечественный опыт мобилизационной подготовки экономики: уроки мировых войн / В. В. Ясинский // Военно-исторический журнал. – 2011. – №10. – С. 22-26.
7. ГА ДНР. Ф. Ф-72, Оп. 1, Д. 8а, Л. 10-11.
8. ГА ДНР. Ф. Ф-72, Оп. 1, Д. 8а, Л. 1.

АННОТАЦИЯ

Никулин Ю. А. Промышленность Донбасса в контексте военной экономики Российской империи в годы Первой мировой войны

В данной статье рассматриваются особенности функционирования и значение промышленности Донбасса в контексте военной экономики Российской империи в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война; военная экономика; тяжелая промышленность; металлургия; химическая промышленность; бензол.

SUMMARY

Yuri Nikulin. Donbass's industry in the context of war economy of Russian Empire during the World War I

The article highlights the main features of functioning and significance of Donbass's industry in the context of war economy of Russian Empire during World War I.

Key words: World War I; war economy; heavy industry; metallurgy; chemical industry; benzene.

УДК 930.1(37)«-0073/-0071»

**ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЯ РАБОВ В РИМЕ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СПАРТАКА
(73-71 гг. до н.э.) В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ
И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

В конце 70-х гг. внутреннее положение Италии было крайне напряженным. Неудачная попытка Лепида свергнуть господство сулланцев еще более обострила противоречия. В то время как республиканцы, испытавшие в предыдущие годы ряд тяжелых поражений, были уже в значительной степени ослаблены, многочисленные рабы Италии до сих пор еще не выступали самостоятельно. Отдельные вспышки имели локальный характер и быстро подавлялись. С другой стороны, в течение 80-х годов рабы систематически втягивались в выступления итальянской демократии, – в частности, в восстание италиков и в марианское движение. Это служило для них уроком, наиболее развитые и смелые из них пришли к мысли, что только собственными силами они смогут добиться освобождения. Такова была обстановка в преддверии самого крупного восстания рабов, о котором свидетельствует история.

Между 73 и 71 гг. до н. э. группа беглых рабов – первоначально небольшая, примерно из 74 по версии Саллюстия беглых гладиаторов [20, VII. 90] или 78 по версии Плутарха [17, с. 8] – переросла в сообщество из более чем 120 000 мужчин, женщин и детей, относительно безнаказанно перемещавшихся по Италии под руководством нескольких лидеров, в том числе и Спартака [23, II. VIII. III. 20 (3)]. Боеспособные взрослые мужчины из этой группы составляли удивительно эффективный вооруженный отряд, который неоднократно показывал, что может противостоять римской военной мощи, как в виде местных патрулей и милиции, так и в виде подготовленных римских легионов под консульским командованием. Плутарх [17, 8-9] описывал действия рабов как попытку сбежать от своих хозяев и уйти через Галлию, в то время как Аппиан [1, I. 116-120] и Флор [23, II. VIII. III. 20] изображали восстание как гражданскую войну, в которой рабы вели кампанию по захвату самого Рима.

Различие взглядов античных авторов на восстание Спартака сделало эту проблему дискуссионной. Поэтому, на наш взгляд, актуальной будет являться попытка рассмотреть историографию

восстания рабов в Риме под предводительством Спартака и определить степень изученности этой темы в работах советских и российских исследователей.

Источниковедческой базой данной работы послужили сохранившиеся произведения таких древних авторов как Саллюстий Крисп [20], Плутарх [17], Флор [23], Аппиан [1].

Цель данной статьи состоит в изучении советской и российской историографии восстания рабов в Риме под предводительством Спартака в период 73-71 гг. до н.э. Для реализации поставленной цели следует решить следующие задачи:

1) Выработать критерии классификации историографического анализа по данной проблеме;

2) Хронологически расположить труды исследователей в каждой классификационной группе;

3) Найти характерные черты для различных групп исследований.

Исходя из изученного нами объема исследовательских работ, что наиболее целесообразно будет выделить две группы публикаций по следующему принципу.

Первая группа работ включает исследования советских антиковедов увидевших свет в период с 1923 г. по 1980-е гг.

Ко второй группе следует отнести труды российских исследователей, которые были опубликованы после 1991 г.

Такая классификация исследований создаст наиболее объективную картину степени изученности проблемы восстания рабов в Риме под предводительством Спартака в период 73-71 гг. до н.э. Следует отметить, что автор, главным образом, стремился указать наиболее важные работы по теме.

Интересна концепция, выработанная советской историографией по данному вопросу.

Р. Ю. Виппер в «Очерках истории Римской империи» рассматривал древнеримское общество как капиталистическое, а восстание Спартака было выражением кульминации политического и революционного сознания рабов [3, с. 159].

О большой роли рабства в древнем мире и значении восстания рабов под руководством Спартака писали в своих первых крупных исследованиях по истории древнего Рима С. А. Жебелев «Древний Рим. Ч. 1. Царская и республиканская эпохи» [6] и С. И. Ковалев «Курс всеобщей истории» [10]. Авторы рассматривают восстание как наиболее очевидное и острое выражение классовых противоречий той эпохи.

Восстание рабов под руководством Спартака было созвучно революционной эпохе, начало которой положила победа Великой Октябрьской социалистической революции. В период первых послеоктябрьских лет появляются работы посвященные восстанию

Спартак. Можно отметить труд Е. Г. Кагарова «Спартак. Его жизнь и борьба» [8], А. Михайлова «Спартак» [14], М. П. Путиловского «Спартак» [18]. Эти работы объединяет идея революции рабов против угнетателей с целью разрушения существующего порядка и создания справедливого государства.

Еще один советский исследователь, автор работ «Спартакосское восстание» и «Спартак» А. В. Мишулин выдвигает концепцию революции рабов [15, 133-140], которая привела к контрреволюции Цезаря определившей переход от республиканского строя к монархии, реализованного с помощью вооруженных сил [15, с. 181]. Методологической основой работы А. В. Мишулина явилось марксистско-ленинское положение о том, что борьба рабов в древности была закономерным следствием развития рабовладельческой системы производства, что причины всех восстаний коренились в материальной основе рабовладельческого строя. В соответствии с концепцией революции рабов А. В. Мишулин характеризовал восстание Спартак как одно из звеньев этой «революции», переоценивая значение восстания в подрыве основ рабовладельческой системы хозяйства и его роли в подготовке следующей фазы революции.

В процессе утверждения марксистской концепции античной истории изучение восстания Спартак проходило интенсивно как в общеметодологическом плане, так и в плане уточнения достоверности материалов источников. Сложность задачи состояла в том, что материалы источников о рабах и их борьбе были скудны, субъективны и противоречивы. В более цельном и обобщенном виде источники по истории восстания Спартак помещены в публикации С. А. Жебелева и С. И. Ковалева «Великие восстания рабов II-I вв. до н. э. в Риме» [7, 18]. В небольшой степени эти сведения были пополнены А. А. Мотус «Восстание Спартак» [16, 113] и Н. А. Машкиным «Принципат Августа» [13, с. 121], также эти ученые основательно подошли к вопросу о датировке восстания Спартак.

Советский исследователь П. О. Карышковский в своей работе «Спартак» [9, 35] детально рассматривает вопрос о причинах разногласий в армии Спартак. Е. М. Штаерман в труде «Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике» [24, с. 239] анализирует вопрос о плане похода Спартак на Рим.

В 1960-е гг. С. Л. Утченко пересмотрел концепцию революции рабов и доказательство её несостоятельность. Вместе с тем в своей работе «Цицерон и его время» поднимая ее до классовой борьбы [21, с. 94-104]. В другой работе «События. Люди. Идеи» автор анализирует выступления рабов в Риме [22], считает, что «... господствующий класс в результате выступлений рабов, и главным образом самого восстания Спартак, консолидируется с целью более решительного

подавления рабов. Говоря иными словами, восстание Спартака оказывается основной причиной перехода от республики к империи» [22, с. 66].

Одной из главных особенностей восстания рабов под предводительством Спартака – это участие в нем различных угнетаемых слоев римского общества. Между ними существовали определенные противоречия и говорить о консолидации не следует, но все же в нем принимали участие рабы, вольноотпущенники, колонны, малоимущие крестьяне, но его ядром были гладиаторы. В. А. Лесков в работе «Спартак» отмечал исключительную роль гладиаторов в обучении других участников восстания военному делу [11]. В целом для советской историографии характерно рассматривать восстание Спартака, как проявление классовой борьбы в античную эпоху. Вторую часть историографического анализа проблемы восстания рабов в Риме под предводительством Спартака в период 73-71 гг. до н.э. составляют работы российских исследователей. Для работ этого периода стала характерной тенденция пересмотра оценок и суждений относительно восстания Спартака, окончательный отход от концепции классовой борьбы.

Работа А. Валентинова «Спартак» – своего рода историческое расследование, призванное проанализировать сообщения древних авторов о восстании Спартака с точки зрения здравого смысла, выявить преувеличения и искажения событий [2]. М. И. Ростовцев в работе «Рождение Римской империи», под влиянием западных тенденций которые дают негативную оценку восстанию, считая его помехой внешней политике Республики, автор называет восставших рабов «бандой», «ордой бандитов» и не придает значения самому движению [19].

В. А. Горончаровский в работе «Арена и кровь. Римские гладиаторы между жизнью и смертью» считает, что исследователи недостаточно внимания уделяли началу восстания. Доказывает, что от вооружения гладиаторов в армии Спартака затем и произойдет деление в армии рабов на тяжелую и легкую пехоту, а также разведчиков [4, с. 81]. В другой своей работе «Спартак и война: восставшие рабы против римских легионов» В. А. Горончаровский отмечает высокие личные качества главарей восстания. По его мнению, Спартак совершенствовал римскую военную организацию, увеличил роль кавалерии и легкой пехоты, пытался сделать свою армию более мобильной [5, с.150]. В ряде статей представлена реконструкция событий войны с рабами, место отдельных личностей в ней. Внимания стоит работа О. В. Любимовой «Письмо Красса о вызове Помпея и М. Лукулла против Спартака: время и обстоятельства написания» рассматривается ход военных действий, главной причиной обращения Красса была его

неуверенность в успехе борьбы со Спартаксом [12, с.83]. Таким образом можно сделать вывод, что тема восстания рабов в Риме под предводительством Спартака в период 73-71 гг. нашла широкое отражение в работах советских и российских исследователей. Для первой группы историографического обзора, охватывающей работы советских исследователей, характерной чертой было рассмотрение событий восстания сквозь призму классовой борьбы в античную эпоху. Отсюда большое число идеологических штампов и попытки интерпретировать события в рамках концепции классовой борьбы. Ситуация изменилась в 1990-е гг. Характерной чертой этого периода стало более всестороннее изучение различных аспектов восстания Спартака с учетом общеполитической и военной ситуации в Римской республике в I в. до н.э.

Несмотря на актуальность проблемы восстания рабов в Риме под предводительством Спартака в период 73-71 гг., за последнее время нет серьезных исследований по данному вопросу. Исключение составляют статьи, посвященные отдельным аспектам восстания и попытке реконструкции событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аппиан. Гражданские войны / Пер. С. А. Жебелев. – М. : Алетей, 1989.
2. Валентинов А. Спартак. – М.: Эксмо, 1994. – 120 с.
3. Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. – М. : Государственное издательство, 1923. – 434 с.
4. Горончаровский В. А. Арена и кровь. Римские гладиаторы между жизнью и смертью. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. – 256 с.
5. Горончаровский В. А. Спартаковская война: восставшие рабы против римских легионов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2011. – 176 с.
6. Жебелев С. А. Древний Рим. Ч. 1. Царская и республиканская эпохи. – Л.: Наука, 1922. – 120 с.
7. Жебелев С. А., Ковалева С. И. Великие восстания рабов II-I вв. до н. э. в Риме. – Л.: ГАИМК, 1934. – 180 с.
8. Кагаров Е. Г. Спартак, его жизнь и борьба. – Харьков : Правда, 1924. – 148 с.
9. Карышковский О. П. Спартак. – М. : Госполитиздат, 1956. – 63 с.
10. Ковалев С. И. Курс всеобщей истории. – М. : Соцэкгиз, 1923. – 430 с.
11. Лесков В. А. Спартак. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 383 с.
12. Любимова О. В. Письмо Красса о вызове Помпея и М. Лукулла против Спартака: время и обстоятельства написания. Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 2 (2). С. 73-84.

13. Машкин Н. А. Принципат Августа. – М. : АН СССР, 1949. – 608 с.
14. Михайлов А. Спартак. – Л. : Мол. гвардия, 1924. – 142 с.
15. Мишулин А. В. Спартакосское восстание. – М. : Соцэкгиз, 1936. – 290 с.
16. Мотус А. А. Восстание Спартака. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 166 с.
17. Плутарх. Избранные жизнеописания. В двух томах. Том II / Пер. М. Томашевская. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
18. Путиловский М. П. Спартак. – М. : Правда, 1929. – 118 с.
19. Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. – М.: Книжная находка, 2003. – 160 с.
20. Саллюстий. Фрагменты истории / Пер. В. О. Горенштейна. – М.: Ладомир, 1999.
21. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. – М.: Наука, 1969. – 320 с.
22. Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима III – I вв. до н.э. – М.: Наука, 1977. – 257 с.
23. Флор Луций Анней. Две книги эпитом Римской истории обо всех войнах за семьсот лет / А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова. – Воронеж : Воронеж, 1977.
24. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. – М.: Наука, 1964. – 263 с.

АННОТАЦИЯ

Панасенко Д. А. Историография восстания рабов в Риме под предводительством Спартака (73-71 гг. до н.э.) в работах советских и российских исследователей

В данном исследовании был сделан историографический анализ событий восстания рабов в Риме под предводительством Спартака в период 73-71 гг. до н.э. Автор исследовал степень изученности проблемы в работах советских и российских исследователей. В статье была проведена классификация работ по проблематике и хронологическому принципу. Были установлены характерные черты и особенности различных групп исследований в историографическом анализе по данной проблеме.

Ключевые слова: историография, Спартак, восстание рабов, исследователи.

SUMMARY

Panasenko D. A. Historiography slave revolt in Rome under the leadership of Spartacus (73-71 BC) in the works of Soviet and Russian researchers

In this study, we made a historiographical analysis of the events of the slave revolt in Rome led by Spartacus in 73-71 BC the Author

investigated the degree of knowledge of the problems of the Soviet and Russian researchers. In the article the classification of works on problems and chronological principle is carried out. The characteristic features and features of various groups of researches in the historiographical analysis on this problem are established.

Key words: historiography, Spartacus, slave revolt, researchers.

Панасенко Дмитрий Анатольевич,

г. Макеевка, ДНР

Петрова Ирина Николаевна,

г. Горловка, ДНР

УДК 94(44)026

СТРАХИ ПОЖИЛОГО КОРОЛЯ

Характерной тенденцией исторической мысли последних десятилетий является пересмотр традиционного прочтения истории. Одной из приоритетных тематик исследования является проблема роли личности в контексте истории. Возрождение исторической биографии дает возможность оценить исследуемого деятеля не только по степени и характеру его воздействия на исторический процесс, на первый план выступает личность индивида, мотивы поведения, повлиявшие на ход истории.

Проблеме изучения личности на основе синтеза истории и психологии посвящены, в частности, труды томской историографо-методологической школы. И.Ю. Николаева применяет новую методологию к построению психологических портретов исторических личностей, используя полидисциплинарные технологии, уделяя особое внимание изучению бессознательных установок, выявлению цельного образа социально-психологической идентичности [12, с. 47-48].

В данной статье осуществлена попытка изучения личности Людовика XI в свете анализа эмоциональной составляющей поведения короля [9, с. 56-62]. Объект изучения был выбран неслучайно, личность Людовика XI носит крайне спорный и неоднозначный характер. Изучение биографии короля широко освещено в историографии, однако, большая часть связанных с ним вопросов и сегодня далека от окончательного решения [1, с. 14-16].

Правление Людовика XI – важный этап в истории Франции, при нем французская монархия одержала важную победу над силами политической децентрализации. Людовик XI проводил новаторскую внутреннюю политику: один из первых западноевропейских

правителей проводил политику протекционизма и меркантилизма, что способствовало централизации страны, формированию единого внутреннего рынка. В это время создаются все предпосылки для возрождения экономики, завершается территориальное объединение, королевская власть в значительной мере ограничивает самостоятельность феодальной знати и получает широкие властные полномочия – право на налогообложение страны, содержание постоянной армии и другие. Во многом эти достижения – заслуга Людовика XI, что в значительной мере обусловлено особенностями поведения монарха.

На протяжении своего правления (1461-1483 гг.) Людовик XI всегда стремился к достижению поставленной цели, борясь с противниками различными путями, с помощью уступок, подкупа, лести, коварства и жестокости. Ссорить своих врагов, создавать им тысячу препятствий, неожиданно выступить в роли арбитра между ними и добиться таким образом в нужный момент перемирия или мира – такова была тактика Людовика XI [10]. Современники прозвали его «всемирным пауком». Э. Ле Руа Ладюри отмечает, что Людовик XI действовал в «предмакиавеллиевском стиле» [5, с. 74].

В свою очередь, предметом изучения являются эмоции короля, в частности эмоциональный процесс страха. Важно отметить, что эмоции воздействуют на тело и разум человека, они влияют практически на все аспекты его существования [1, с. 58-59]. Страх оказывает гораздо большее влияние на нашу жизнь, чем кажется на первый взгляд. Страх как базовая эмоция человека, сигнализируя о состоянии опасности, зависит от многих внешних, внутренних, врождённых или приобретённых причин. Ответом на страх могут быть необдуманные или бессознательные действия человека, которые коренным образом меняют обычное поведение [4]. Следовательно, изучение страха позволит точнее рассмотреть психологические механизмы регуляции поведения личности.

В качестве источника фактологического материала были использованы «Мемуары» Филиппа де Коммина. Коммин является незаурядной исторической фигурой, он был близким соратником Людовика XI. К тому же, как автор он пишет о том, что сам видел, слышал или в чем принимал личное участие. Таким образом, труд Коммина представляет невероятную ценность для построения психологического портрета Людовика XI [6, с. 383-386].

Проанализировав исторический источник, нами было выявлено ряд ситуаций, которые позволяют изучить страхи монарха. На первый взгляд складывается впечатление весьма бесстрашного и рискованного деятеля. В 17 лет дофин Людовик открыто выступает в конфликт с отцом, возглавив Прагерию – мятеж феодалов. В 1451 г. против воли короля состоялась свадьба Людовика с Шарлоттой

Савойской. Дофин противостоит королю, устанавливает тайные связи. Наконец, став королем в 1461 г., Людовик XI предпринимает попытки усилить своё могущество, что привело к росту возмущения, которое вылилось в войну «Лиги общественного блага». В результате, несмотря на препятствия, король смог одержать победу. Король Людовик сумел одержать верх и над своим главным антагонистом, Карлом Бургундским. К концу XV в. в основных чертах процесс объединения страны был завершен, король обладал огромной властью.

Однако, за образом рискованного и изворотливого короля скрывается весьма боязливая личность. Об этих чертах Людовика XI часто упоминает Ф. де Коммин: «по природе своей (Людовик XI) был довольно-таки боязливым», «относился с крайней недоверчивостью ко многим своим людям, причем без причины» [3, с. 32, 36]. Людовик XI испытывает множество страхов, он опасается проигрыша и предательства, боится быть осмеянным и униженным. Согласно теории психосоциального развития Э. Эриксона, возникновение данных страхов можно объяснить отсутствием внимания в детстве, что заложило базисное недоверие к миру, развились чувства боязливости и подозрительности [18, с. 106-107, 113]. Как следствие, возникают явные противоречия в поведении монарха: он проводит весьма рискованную политику, несмотря на то, что подвержен страхам. И.Ю. Николаева приходит к выводу о том, что деятельность Людовика была определена бессознательными базисными установками (в частности, стремление к власти), заложенными на уровне культурно-генетической матрицы [7, с. 288, 303-306].

В воспоминаниях Коммина чаще других эмоций Людовик XI испытывает чувство страха, что особенно проявляется под конец жизни короля. С 1479-80 г., когда, по данным источников и литературы, Людовик XI перенес первый апоплексический удар, происходят коренные изменения поведения монарха [3, с. 239]. В этот период усиливается чувства страха и подозрительности.

Известно, что последние годы жизни Людовик XI жил изолированно в замке Плесси-ле-Тур, оградился от внешнего мира, выставив охрану в замке, и даже ограничил собственные прогулки, боялся семьи, слуг, приближенных, но больше всего – оказаться в забвении и смерти.

Стремясь оставаться у власти, король, чтобы его не забыли, продолжал политическую деятельность, несмотря на болезненное состояние [3, с. 241]. Людовик XI жестко обращался с окружающими, как с приближенными, так и со слугами. По мнению исследователей, страх перед потерей власти возникает вследствие личной неполноценности, сформированной из-за возникшего ощущения

самоуверенности и всемогущества [8], и развивает параноидальную подозрительность по отношению к возможным соперникам.

Как отмечает К. Хорни, стремление к власти служит, прежде всего, защитой от беспомощности, которая, является одним из основных элементов беспокойства. Даже отдалённая видимость беспомощности или собственной слабости вызывает тревожную реакцию [16, с. 107]. В частности, король старался привлечь к себе внимание, рассылая послов, заказывая в различных европейских государствах уникальных животных, «однако, когда ему их доставляли, он не проявлял к ним никакого интереса», одевался в дорогие одежды, причем ранее предпочитал простое одеяние и не любил церемоний [3, с. 139, 245]. По мнению С. Степанова, экстравагантность в одежде практически всегда отражает повышенное притязание на значимость. Очень часто оригинально и броско одеваются люди, которые скрыто ощущают, что недополучают желаемого признания и поощрения [13, с. 328].

Особый интерес вызывает ситуация во время одного из приступов короля. Коммин вспоминает, что короля подняли из-за стола и подвели к огню; окна были закрыты, и, хотя Людовик порывался подойти к ним, его удержали. Когда ему стало легче, король, узнав, кто именно не давал ему подойти к окну, немедленно выгнал их из своего дома, некоторых лишил службы и велел не показываться ему на глаза [3, с. 239-240]. Столь странное поведение, боязнь лишиться беспрекословного повиновения Коммин объяснял тем, что Людовик XI боялся повторить судьбу отца. Заболев, король Карл вообразил, что его хочет отравить собственный сын. Его страх был настолько велик, что Карл вообще перестал принимать пищу; было принято решение кормить его силой, однако вскоре он скончался [3, с. 240-241]. Вероятно, это событие отпечаталось в сознании короля Людовика. Им владел страх, что его возьмут под опеку, что без него будут решать все дела и вопросы под предлогом, что его рассудок не в порядке. Поэтому Людовик XI всячески привлекает к себе внимание, о чем свидетельствует и выбор костюма, и особенности поведения.

Примечательно, что причина данных изменений может скрываться в психологических особенностях приспособления личности к старости. По мнению исследователя в области гериатрии Д.Б. Бромлея, в пожилом возрасте у личности может бессознательно выработаться враждебное отношение к старости, которое проявляется в не вполне адекватной оценке действительности [11, с. 34-35]. Пожилые люди такого типа агрессивны и подозрительны. Недоверие и подозрительность заставляют избегать контактов с другими людьми. Они всячески отгоняют мысль о старении, склонны к острым реакциям страха смерти.

Именно экзистенциальный страх смерти является доминантой переживаний монарха, что определяет его поведение, взгляды, поступки. Как отмечают исследователи, страх смерти – один из самых глобальных и вечных страхов человечества. В первую очередь, это объяснимо тем, что человеку не суждено знать, что представляет собой смерть. Следовательно, эмоции и реакции, возникающие при столкновении в действительности с угрозой для жизни: волнение, беспокойство, испуг, тревога – естественная и нормальная реакция здорового человека [17, с. 102]. Однако параноидальное поведение короля, устойчивое переживание излишней тревоги, иррациональный страх смерти может свидетельствовать уже о развитии танатофобии (боязни смерти). Последствия фобий разнообразны. Как пишет Е.П. Ильин, в первую очередь происходят изменения эмоциональной сферы: все существование человека окрашивается тревогой. Исчезают некоторые проявления положительных эмоций, развиваются хроническая эмоциональная неудовлетворенность и удрученность, тревожно-пессимистическая оценка будущего [2].

Танатофобия проявляется не как страх перед фактом смерти, а как боязнь обстоятельств, сопутствующих процессу умирания. Например, для больных неприемлемо утратить чувство собственного достоинства: когда он будет вынужден прибегнуть к помощи посторонних. Как было обозначено ранее, именно страх беспомощности и воздействия со стороны других являлся ключевым в последние годы жизни Людовика XI. Лиц, страдающих танатофобией, отличают следующие черты и свойства характера: повышенная впечатлительность, мнительность, возбудимость, тревожность, неуверенность в себе, склонность к заиканию. Их отличает упрямство, эгоизм, они не терпят критики и не воспринимают отличное от их мнение окружающих [2]. Причина иррационального страха смерти по мнению ряда психологов скрывается в неудовлетворенности прожитой жизни. Они утверждают, что боязнь смерти возникает как следствие кажущихся упущенных возможностей, нереализованности, бесполезно потраченного времени. Осознание того, что начинать все вновь уже поздно и упущенного не вернуть, приводит к возникновению чувств разочарования, отчаяния и безнадежности [19, с. 90; 14; 18, с. 151-152].

Боязнь смерти часто становится причиной обращения к магическим верованиям, иллюзиям, мифам, в том числе и религиозным, позволяющим отрицать реальность смерти [17, с. 413-414]. Людовик XI, надеясь на чудо, посылал за лекарями и священниками, нанимал дорогостоящих врачей. Так, при приближении конца, ему отовсюду шлют самые дорогие реликвии: папа посылает ему корпорал св. Петра, из Реймса была доставленная ампула со святым елеем, которая прежде никогда не покидала своего местопребывания [15, с. 314-318]. Из-за боязни смерти король даже

терпел неуважительное отношение врача мэтра Жака Куатье, так как тот сказал, что король умрет, если уволит его, что было для Людовика «настоящим чистилищем во всем мире», однако, несмотря на это, король до последнего терпел его [3, с. 255-256]. Как сообщает Ф. де Коммин, в 1483 г. тяжело болевший король Людовик XI пригласил святого Франциска из Паолы в свой замок Плесси-ле-Тур. Король удостоил священника почестями, сопоставимыми с приемом римского папы: при встрече он встал перед Франциском на колени, умоляя просить за него Бога, чтобы Господь соизволил продлить ему жизнь. Однако Франциск ответил, что не может ничего сделать и королю следует подумать о душе, поскольку ничего другого не остается [3, с. 244-245].

Согласно личной оценке Ф. де Коммина, Людовику XI было болезненно слышать приговор о неизбежной смерти. Ведь ни один человек не боялся так смерти и не делал столь многого, чтобы избежать ее, как он. Даже пока он был здоров, он все время просил своих слуг, чтобы ему не говорили о смерти, ибо ему казалось, «что у него не станет сил выслушать столь жестокий приговор». Однако в решающий момент он стойко выслушал его и держался достойно вплоть до самого смертного часа [3, с. 254]. Следует отметить, что, несмотря на душевные терзания, маниакальные поиски способов для продления жизни, за все время болезни Людовик XI не издал ни одной жалобы, что, безусловно, свидетельствует о стойкости духа, о силе характера.

Итак, в последние годы жизни Людовик XI, наконец покончив с врагами, тяжело заболел, что вынудило его отойти от государственных дел и поселиться в замке Плесси-ле-Тур. В этот период у Людовика обостряются чувства тревожности и одиночества, приобретенные в период детства, проявляется боязнь быть забытым, беспомощным и слабым, возникает навязчивый страх смерти. Вследствие чего у короля наблюдаются коренные изменения в поведении: он оградился от внешнего мира, и даже ограничил личную свободу, всячески привлекал внимание к своей персоне, пытался избежать смерти с помощью врачей, религии и чуда. Таким образом, Людовик словно сам себя обрек на заточение, «правда, место его заточения было большим, чем обычная тюрьма, однако и сам он был больше, чем обычный узник». Причину данных изменений в механизмах поведения личности на данном этапе исследования вывить невозможно, приведены несколько концепций специалистов, объясняющих этот психологический феномен, что, в свою очередь, раскрывает перспективные возможности применения полидисциплинарного подхода в историко-биографическом исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербовский А. В. Проблемы истории Франции второй половины XV века в отечественной историографии / А. В. Вербовский, В. А. Санжаров // Донецкие чтения 2017. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2017. – Т. 5. – С. 14-16.
2. Ильин Е. П. Боязнь смерти [Электронный ресурс] / Е. П. Ильин // Психология страха. – Режим доступа: <https://rutlib.com/book/27242/p/22>
3. Коммин Ф. Мемуары / Ф. Коммин; пер. с фр. Ю. П. Малинина. – М. : Наука, 1986. – 500 с.
4. Кузнецова Е. Н. Причины возникновения страхов [Электронный ресурс] / Е. Н. Кузнецова // Учебные материалы по психологии и педагогике. – Режим доступа: <https://rutlib.com/book/27242/p/22>.
5. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610 / Э. Ле Руа Ладюри; пер. с фр. Е. Н. Корендясова, В. А. Павлова. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 416 с.
6. Малинин П. Ю. Коммин и его «Мемуары» / Ю. П. Малинин // Коммин Ф. Мемуары. – М. : Наука, 1986. – С. 383-437.
7. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории / И. Ю. Николаева, под ред. Б. Г. Могильницкого. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 410 с.
8. Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга [Электронный ресурс] / В. Одайник; пер с англ. К. Бутырина. – Режим доступа: <http://su0.ru/V067>.
9. Петрова И. Н., Санжаров В. А. Историческая личность в восприятии современников: на примере анализа образов Людовика XI и Карла Смелого у Филиппа де Коммина / И. Н. Петрова, В.А. Санжаров // Журнал исторических, политологических и международных исследований, Донецк, 2017, № 1 (60), С. 56-62.
10. Потемкин В. П. Людовик XI и его дипломатия [Электронный ресурс] / В. П. Потемкин // Дипломатия с средних веков до 1872. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/159285>.
11. Руководство по геронтологии и гериатрии / под ред. В. Н. Ярыгина, А. С. Мелентьева. – М.; ГЭОТАР-Медия, 2010. – Т. 2. Введение в клиническую гериатрию. – 784 с.
12. Санжаров В. А. Историческая личность в освещении томской историографо-методологической школы и психологический портрет Людовика XI / В. А. Санжаров, И. Н. Петрова // Донецкие чтения 2017. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2017. – Т. 5. – С. 46-48.

13. Степанов С. Язык внешности. Жесты, мимика, черты лица, почерк и одежда / С. Степанов. – СПб. : Питер Пресс, 1996. – 320 с.
14. Фейфель Г. Смерть – релевантная переменная в психологии [Электронный ресурс] / Г. Фейфель // Экзистенциальная психология. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/meyro04/txt03.htm>.
15. Хёйзинг Й. Осень Средневековья / Й. Хёйзинг; пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.
16. Хорни К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни; пер. с англ. А. И. Фета. – Нючёпинг: Philosophical arkiv, 2016. – 186 с.
17. Щербатых Ю. В. Психология страха. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.
18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ. А. В. Толстых. – М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. – 352 с.
19. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти / И. Ялом; пер. с англ. А. Петренко. – М. : Эксмо, 2009. – 352 с.

АННОТАЦИЯ

Панасенко Д. А., Петрова И. Н. Страхи пожилого короля

В данной статье осуществлена попытка изучения личности Людовика XI на основе методологического синтеза исторической и психологической наук. Проанализирована эмоциональная составляющая личности Людовика XI, а именно эмоция страха. Рассмотрены особенности поведения короля в пожилом возрасте, в период, когда чувства страха и подозрительности проявляются больше всего. Приведены теории и мнения психологов, объясняющие причины и суть данного психологического феномена.

Ключевые слова: Людовик XI, историческая психология, страх, фобия, боязнь смерти.

SUMMARY

Panasenko D. A., Petrova I. N. Fears of the elderly king

In article, attempts to study the personality of Louis XI based on the methodological synthesis of historical and psychological sciences. Was analyzed the emotional component of the personality of Louis XI, namely the emotion of fear. The features of the king's behavior in old age, in a period when feelings of fear and suspicion, are most considered. The article presents the theories and opinions of psychologists explaining the reasons and the essence of this psychological phenomenon.

Key words: Louis XI, historical psychology, fear, phobia, fear of death.

УДК 323.21:323.27(477.6)«1917»(045)

МЕСТО ПОЛИТПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ РСДРП(Б) В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА НА ДОНБАССЕ

Тема революционных событий 1917 всегда была привлекательна, особенно актуальной она стала ввиду столетия упоминаемых событий.

Выбранная нами тема представляет интерес в связи с тем, что в настоящее время восстановление независимой истории Донецкого региона особенно важно.

Ни для кого не секрет, что первостепенным оружием большевиков была агитационная работа и пропаганда по насаждению марксистско-ленинской идеологии, результатом которых становилось привлечение широких масс населения.

Одним из ключевых пунктов идеологии большевиков являлось установление диктатуры пролетариата.

Таким образом, мы можем прийти к умозаключению, что поддержку РСДРП(б) могла ожидать в большей степени в промышленных регионах страны, следует заметить, что предпринимались попытки заинтересовать обширное крестьянское население Российской империи, среди них такие как:

- лозунг «Земля крестьянам»;
- упрощение приема в высшие учебные заведения («Декрет о правилах приема в ВУЗы»);
- «уплотнение», по которому приезжее население подселяли в квартиры к буржуа и т.д.

Однако, несмотря на все вышеизложенные пропагандистские меры, именно рабочий класс оставался надежным фундаментом революции или Октябрьского переворота, как его сейчас принято называть.

В 1917 году Донбасс был центром промышленности, не удивительно, что он стал целью агитационной политики большевиков.

Канадский историк Орест Субтельный писал, что наибольшее влияние и поддержку на Украине большевики имели на Донбассе, где их насчитывалось 4-5 тысяч человек [6, с. 545].

Того же мнения придерживались и сами большевики, например, Г. Петраковский в журнале «Летопись революции» писал, что «большевистская организация всего больше и была крепка в Донецком бассейне» [5, с. 59].

Население Донецкого региона также не оставалось равнодушным, произошедшие в Петрограде октябрьские события 1917 года, как и большевистская идеология, привели в движение все слои населения – «...будирующая агитация большевиков... настраивала массы против существующих порядков» [3, с. 71].

В чем же заключалась политическая агитация и политическое просвещение РСДРП(б) на Донбассе?

Уже 25 октября 1917 года в Донецко-Криворожский бассейн было направлено 24 агитатора, их задача состояла в том, чтобы собрать и организовать массовые митинги и собрания трудящихся в пользу революции.

Организаторская работа большевиков распространялась на Белянский, Кальмиусский, Чистяковский, Макеевский и Бахмутовский районы.

Одной из основных целей политпросветительской работы стала агитация вступления в Красную армию, которая позже обеспечила свободный переход власти на местах к Советам – «агитация большевиков за власть советов находит огромную массу сторонников, и все советы, за исключением Бахмутского, переходят на сторону большевиков» [3, с. 101].

После чего был перехвачен контроль над почтой и телеграфом.

Агитационная работа усложнялась в связи с:

- пропагандой эсеров и меньшевиков, чья власть была довольно сильна в некоторых городах и районах Донецкого региона – «Настроение во всем районе было против большевиков. Нам нельзя было открыто выступать» [4, с. 52];

- угрозы населению со стороны новообразовавшегося украинского правительства – ЦРУ, которое в своих способах влияния на население применяло метод «кнута и пряника» (угрозы и обещания улучшений условий жизни, предусмотренных универсалами ЦРУ) – «...агитация за Центральную Раду встречала резкий отпор» [3, с. 89];

- экономическое давление со стороны украинских магнатов – владельцев горной промышленности, которые закрывали свои предприятия в связи с установившейся властью Советов, что приводило к ухудшению уровня жизни населения.

Об инцидентах, связанных с давлением магнатов на рабочих, в журнале «Летопись революции» писал ранее упомянутый большевистский агитатор Г. Петраковский: «Рабочие начали жаловаться на саботаж начальства, ставившего рабочих перед разрушениями, рабочие должны были смириться и просить господ взять полномочия в свои руки» [5, с. 61].

Необходимо заметить, что, несмотря на всю работу, проводимую большевиками (лозунги, агитационные листовки, избы-читальни,

митинги, политико-просветительская работа), им так и не удалось получить полный контроль над регионом, о чем свидетельствуют записи в периодических изданиях: «В горсовете украинским фронтом руководил Северо-Одоевский, меньшевиками – Сан. Во главе большевиков стояли Артем, Рухимович, Межлаук. Власти прочной не было» [5, с. 61].

Донбасс стал ареной борьбы, от которого под влиянием революционных настроений каждый пытался получить политические дивиденды, забывая о выдвигаемых целях – улучшении уровня жизни населения.

В течение ноября-декабря 1917 года власть Советов была установлена практически во всех населенных пунктах Донецкого региона, чему также способствовал рост авторитета большевиков среди населения, о чем свидетельствует и значительная поддержка со стороны крестьян, привлеченных желанием преодолеть помещичий гнет [2, с. 34].

Проанализировав вышеизложенное, мы можем прийти к выводу, что желаемых результатов РСДРП(б) и ее члены добились благодаря:

- политпросвещению, осуществлявшемуся путем создания изб-читален, библиотек, контролю над почтой и радиовещанием, которые помогали в распространении агитационных листовок и заманчивых лозунгов;
- проведению и организации митингов, призывающих на борьбу, поднимающих авторитет большевиков и тепливших надежду о лучшем будущем после свершения революции;
- вербовке в Красную армию путем той же агитации и политпросвещения. Участница упоминаемых нами событий, Е. Холмская писала: «Проехали мы целый ряд станций и рудников Донецкого бассейна, вооружая рабочих, обмундировывая их, на наших глазах вырастали грозные отряды» [8, с. 56].

Донецкий регион вступил в затяжной, разрушающий конфликт, который наносил урон экономической, социальной и политической сферам. Население, ведомое надеждой на лучшее, равное социалистическое будущее, благодаря удачной политпросветительской работе в данном конфликте выступило на стороне Красной армии. Свою поддержку оно (население) оказало как во время революционных событий и установления власти советов, так и в грядущей гражданской войне.

Итак, проанализировав все вышеизложенное, мы можем прийти к выводу, что авторитет и власть большевистской партии на Донбассе основывались на грамотно организованной и продуктивной агитационной работе и политическом просвещении, которые помогли докатиться волнам октябрьского переворота и до нашего региона.

В подтверждение изложенному служит факт того, что при захвате власти на местах революционеры преимущественно пользовались агитационными методами, зафиксированы были лишь единичные стычки с местным населением.

Дальнейшие вооруженные конфликты происходили с соперничающими претендентами на Донецко-Криворожский край, такими как ЦРУ, за спиной которых стояла Германия и казацкие войска генерала Каледина.

Невозможно преуменьшить влияние описываемых событий на донбасское население, равно как и политпросветительской работы членов РСДРП(б), которые привели к формированию в дальнейшем нескольких поколений граждан, верных социалистической идеологии и стоящих на ее страже.

Мы с уверенностью можем заключить, что 1917 год стал переломным не только для российской истории, но и для нашей отечественной истории, так как он принес с собой судьбоносные, переломные события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунтовский С. Ю. История Донбасса: научно-популярное издание / С. Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2015. – 402 с.
2. Ерхов Г. П. История городов и сел Украинской ССР / Г. П. Ерхов, Близнюк В. Ф., Гурбич А. Н. – К.: Главная редакция Украинской Советской энциклопедии, 1976. – 810 с.
3. Куранов Г. Советы Артемовщины от февраля к октябрю // Борьба за Октябрь на Артемовщине. 1929. С. 71-127.
4. Медне Эд. Летопись революции / Эд. Медне // Государственное издательство Украины. – 1922. – №1. – С. 49-54.
5. Петровский Г. Летопись революции / Г. Петровский // Государственное издательство Украины. – 1922. – №1. – С. 59-62.
6. Субтельный О. Украина: история / О. Субтельный. – К.: Лыбидь, 1994. – 786 с.
7. Темирова Н. Р. История Донбасса (XX век) / Н. Р. Темирова. – Донецк : ОбЛИПО, 1995. – 345 с.
8. Холмская Е. Летопись революции / Е. Холмская / Государственное издательство Украины. – 1922. – №1. – С. 55-58.

АННОТАЦИЯ

Полякова М. А. Место политпросветительской работы РСДРП(б) в революционных событиях 1917 года на Донбассе

В статье рассматривается политпросветительская и агитационная работа РСДРП(б) в Донецком регионе, а также определяется ее место в революционных событиях 1917 года.

Ключевые слова: РСДРП(б), политическое просвещение, политическая агитация, Красная армия, революция.

SUMMARY

Polyakova M. A. The place of political education work of RSDWP(b) in the revolutionary events of 1917 in the Donbass

The article considers the political education and agitation work of RSDWP(b) in the Donetsk region and determines its importance in the revolutionary events of 1917 year.

Key words: RSDWP(b), political education, political agitation, the Red army, revolution.

*Шипович Марина Анатольевна,
г. Горловка, ДНР*

УДК 94(470)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ

Изучение процесса формирования социально-демографической и национальной структуры населения Донбасса накануне Великой революции 1917 года России является актуальным с точки зрения современного военно-политического конфликта между населением Донбасса и остальными регионами Украины. Данный конфликт резко проявился в ситуации необходимости цивилизационного выбора в 2014 году. В его основе лежит подспудный ментальный конфликт, обусловленный различием регионов Украины. Он имеет глубокие исторические корни, однако недостаточно исследован.

Ученые Донецкого национального университета О.Б. Пенькова и Л.А. Крутова в своих исследованиях говорят о том, что «на протяжении XX века в Донбассе сложилась устойчивая межэтническая общность, разговаривающая на русском языке, с едиными ценностными ориентирами, чертами культуры, четким региональным самоощущением, идентичностью и устойчивой этнической и религиозной толерантностью» [9, с. 34; 13, с. 31-32]. Однако высокий уровень самоидентификации населения Донбасса не был принят современной украинской политической элитой. Ее представители, начиная с 1991 года, выстраивают национальную идентичность в Украине с точки зрения политической целесообразности. В нынешних условиях это нашло свое выражение во внедрении в массовое сознание украинцев

антирусских идей, русофобии. При этом утверждение принципа национального монизма исключает иные формы идентичности, кроме украинской этнической идентичности [2, с. 74]. Конфликт в Донбассе обнажил существенный изъян украинской национальной идентичности: русскоязычное население Донбасса оказалось под угрозой ограничения в правах, по существу объектом внутренней колонизации. Новый политический курс правящих в Украине элит не нашел поддержки у большинства жителей Донбасса. Переход центральной власти к праворадикальным методам управления ускорил провозглашение Народных Республик в Донбассе как независимых государственных образований.

Итак, формирование новой «межэтнической общности» (О.Б. Пенькова, Л.А. Крутова), «донбасской этнотерриториальной общности» (И.Ф. Коновалов), «нового мегаэтноса новороссов» (В.Ю. Даренский) началось в конце XVIII века, продолжилось в XIX веке и фактически завершилось во второй половине XX века [1, с. 40-41]. В конце XIX – начале XX века этот процесс происходит в рамках общеевропейского классического модерна, связанного с мощным развитием городов и становлением промышленных регионов Новороссии в рамках истории Российской империи.

В современной российской историографии данной проблеме посвящен ряд исследований таких авторов, как В.Ю. Даренский, В.Н. Расторгуев, А.К. Дегтярев и др. Проблемам истории Донбасса в период обретения Донецкой Народной Республикой независимости активно занимаются современные историки и политологи ДНР: О.Б. Пенькова, Л.А. Крутова, Ю.К. Яковлева и И.А. Оносова. Несмотря на идеологическое табу, различные аспекты культурно-исторических и социально-политических традиций в разных регионах Украины освещаются в работах И.Ф. Коновалова, Я.В. Верменича, Т.С. Шульги и др. Социально-демографические и национальные характеристики населения Донбасса накануне Великой революции 1917 года в России изучались советскими историками. Так, в 1929 году вышел сборник воспоминаний и статей «Борьба за Октябрь на Артемовщине». Ю.И. Кирьянов рассматривал проблему влияния Первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России. Заслуживает внимания двухтомное академическое издание «История рабочих Донбасса». В годы независимости на Украине указанными проблемами занимались историки Института политических и этнонациональных исследований, А.П. Реент, А. Михненко, С.И. Татаринов и др. Кроме того, ценный материал по исследуемой проблеме дает ряд статистических сборников.

В свете сказанного цель данной работы автор видит в изучении социальных, демографических, национальных факторов,

обусловивших региональную специфику состава населения Донбасса ко времени начала Великой революции 1917 года в России. Следовательно, хронологические рамки исследования – это промежуток истории с конца XIX века до 1917 года.

Остановимся на социально-демографической и национальной характеристике населения Екатеринославской губернии, т.к. в ее состав входила большая часть современного Донбасса.

Со времени проведения первой переписи населения в 1897 г. и до конца 1915 г. население Екатеринославской губернии увеличилось на 1 423 626 человек и составило 3 537,3 тыс. человек, в городах проживало 546,9 тыс., в уездах – 2 990,4 тыс. чел. Бахмутский и Мариупольский уезды были наиболее заселенными, в них проживало более четверти населения губернии. Всего в Бахмутском уезде проживало 560,4 тыс. чел. Вне города в Бахмутском уезде жило 521,8 тыс. чел., в городе – 38,6 тыс. чел. Преобладало мужское население [5, с. 281–282].

Мощным фактором увеличения притока населения на территорию Донбасса стала стремительная индустриализация нашего края. К 1900 г. здесь действовало около 300 различных предприятий. На рубеже же XIX и XX вв. Донбасс превратился в ведущий центр индустрии Российской империи.

Вследствие миграции произошли значительные изменения в этнической структуре населения Донбасса. По данным Всероссийской переписи 1897 г. украинцы оставались в Донбассе наиболее многочисленной этнической группой. На противоположных полюсах находились Старобельский и Мариупольский уезды. Первый был почти моноэтническим (83,4 % населения – украинцы). Вместе с русскими и белорусами восточнославянское население здесь составляло 99,6 %. Второй характеризовался наличием достаточно больших неславянских этнических групп. Так, второй по численности после украинцев (46,1 % населения) этнической группой здесь были греки (19 %), третьей – немцы (7,5 %), четвертой – татары (6 %), пятой – евреи (4 %) [7, с. 77].

Украинцы и россияне в Донбассе по-разному ориентировались относительно профессиональных занятий и образа жизни. По данным переписи 1897 г. в горнозаводской промышленности нашего края русские составляли 74 % рабочих, украинцы – 22,3 %, в металлургии – соответственно 69 % и 20,2 %. Такое распределение наиболее многочисленных этнических групп в промышленности можно объяснить тем, что среди мигрантов-россиян преобладали выходцы из села. Однако они более охотно, чем украинцы, шли работать на шахты и заводы. Кроме того, и предприниматели пытались нанимать на работу безземельных крестьян из российских губерний, т.к. были заинтересованы в постоянных работниках,

а не в тех, которые будут периодически отлучаться на сезонные сельскохозяйственные работы.

В сельскохозяйственном производстве соотношение этнических групп было другим. В трех уездах Донбасса (Бахмутском, Мариупольском и Словяносербском) по переписи 1897 г. насчитывалось 532 480 чел., которые занимались земледелием, животноводством и обработкой продукции земледелия и животноводства. Из них 329 217 чел. (61,8 %) были украинцами, 97563 чел. (18,3 %) – россиянами, 46 015 (8,6 %) – греками, 26 838 чел. (5,0 %) – немцами [7, с. 77].

Итак, за пореформенные годы XIX в. приток мигрантов в Донбасс был примерно одинаковым как из российских (46,7 %), так и из украинских (37,9 %) губерний. В процессе миграции определились различные предпочтения украинцев и русских. Благодаря этому формировались русскоязычный город и украиноязычное село. Но, поскольку в Донбассе именно работа в промышленности была ведущим видом деятельности, это автоматически приводило к доминированию русского языка в крае. Видимо, уже с конца XIX в. можно говорить об определенных закономерностях развития этнической структуры Донбасса. Именно эти закономерности способствовали постепенному увеличению удельного веса русских во всей массе населения.

Далее остановимся на структурном анализе представителей различных социальных групп населения края.

По данным А. Михненко, в 1917 г. 367 924 крестьянским хозяйствам Донбасса принадлежало 70,6 % всей пригодной земли. Земля между крестьянами распределялась неравномерно. 32 % совсем не имели наделов. Особенно много безземельных хозяйств было в Бахмутском уезде (61 % от общего числа хозяйств). 28 % хозяйств региона были отнесены к категории малоземельных. 19 % составляли группу среднего крестьянства. Зажиточным хозяйствам принадлежало около 34 % всей крестьянской земли [12, с. 34, 425]. Таким образом, существенная социальная дифференциация крестьянства порождала недовольство большей части крестьянства и многочисленные конфликты.

Первая мировая война привела к разрушению сельского хозяйства. В 1916 г. посевная площадь крестьянских хозяйств Екатеринославской губернии сократилась на 7 %, по сравнению с 1914 г., а крупных помещичьих – на 23 %. Количество рабочего скота по Бахмутскому уезду в 1916 г. в крестьянских хозяйствах сократилось на 9,2 %, по сравнению с 1915 г. [11, с. 35]. Война лишила сельское хозяйство почти всей основной рабочей силы. Наиболее работоспособная часть мужского населения сел находилась в окопах действующей армии. В армию было мобилизовано 34,2 % сельского

населения Екатеринославской губернии [3, с. 57]. В сельском хозяйстве остались женщины и дети. В помещичьих хозяйствах к работе привлекались военнопленные. На 1 января 1917 г. их число составляло 17 200 чел. [11, с. 35]. Чтобы избежать мобилизаций и иметь заработок в трудных условиях войны, крестьяне с семьями покидали родные места, уходя на заводы и шахты.

Все это постепенно усиливало недовольство среди крестьянских масс существующими порядками. Революционизирующее воздействие на село оказывали также вернувшиеся с фронта солдаты-крестьяне, приносившие с собой апатию и разочарование.

К 1914 г. крупная буржуазия Донбасса была представлена следующими категориями: дворяне (24 %), купцы и почетные граждане (13 %), чиновники (6 %), интеллигенция (20 %), иностранцы (25 %), не установлено (12 %). Таким образом, особенностью социального состава буржуазии Донбасса было преобладание дворян и иностранцев [5, с. 265].

Интересен и национальный состав буржуазии региона. Большинство предпринимателей были русскими и украинцами. Россиян было больше всего среди предпринимателей из помещиков, военно-административного аппарата (офицеров и чиновников), купечества, технической интеллигенции. Украинцы были представлены помещиками, купечеством и крестьянами. Немногочисленную группу составляли евреи – выходцы из местного купечества, а также представители технической интеллигенции (на предприятиях Донбасса среди инженерно-технических работников было до 27 % евреев) [15, с. 243]. Незначительным был элемент греков, представленных купечеством приморских городов Мариуполя, Таганрога, Вальяно и др. Происходило увеличение буржуазии Донбасса за счет иностранцев – бельгийцев, французов, немцев, англичан. Обратим внимание на тот факт, что администрация заводов и шахт региона (управляющие, инженеры, мастера) в значительной степени состояла из иностранцев, которые даже не понимали русский язык и свысока относились к местным рабочим. Так, помощник уездного исправника Греков, докладывая губернскому руководству о положении на шахтах Бахмутского уезда, отмечал «отсутствие техников именно на шахтах, которые бы владели русским языком», а отсюда рабочие, подчеркивал он, были «лишены возможности передать свои требования и потребности в главную контору» [16, с. 40].

Вообще, как отмечает В. Корнилов, предприниматели Юга России, вне зависимости от их этнической принадлежности, всегда были «демонстративно российскими». Вместе с тем, Сюзан Маккафри пишет: «Южные инженеры-менеджеры всегда гордились тем, что в этническом происхождении они были гораздо менее

однородны, чем другие. Отдаленные от финансовых и политических центров, южане развивали глубокое региональное самосознание...» [8, с. 20].

В 1900 г. в промышленности Донбасса работало 170–175 тыс. чел. [4, с. 74].

Особенностью пролетариата Донбасса явилась его высокая концентрация. В 1890 г. на 35 крупных шахтах (из 269) было сосредоточено 35 % всего количества шахтеров.

Другой особенностью формирования рабочего класса Донбасса являлся его многонациональный состав. Выходцы из центральных русских губерний составляли примерно 60 %, украинских – около 30 %, белорусских – 5 % шахтеров. Примерно такие же показатели были характерны для металлургической, металлообрабатывающей отраслей промышленности и железнодорожного транспорта. Кроме русских и украинцев в Донбассе было много рабочих других национальностей (белорусы, поляки, татары, евреи и др.) [4, с. 78].

Третья особенность – довольно высокая прослойка потомственных рабочих. К началу XX в. в каменноугольной промышленности Донбасса потомственные рабочие составляли 33,3 %.

Значительные изменения в составе рабочих Донбасса произошли во время Первой мировой войны. Они были вызваны перераспределением рынков топлива, ростом потребности в рабочей силе для добычи угля, мобилизационными мероприятиями, перемещением беженцев и подданных воюющих сторон, а также людскими и материальными потерями в результате ведения боевых действий.

Летом 1914 года уже первая мобилизация в царскую армию лишила большинство заводов Донбасса 30–35 %, а шахты до 50 % рабочих-мужчин. Это положение могло пагубно отразиться на состоянии промышленности края. Поэтому правительство вынуждено было давать отсрочки от призыва в армию. К Февральской революции 1917 г. число рабочих, получивших отсрочку, значительно превысило установленную правительством норму в 25 % от общего числа рабочих каменноугольной и металлургической промышленности. На 1 марта 1917 г. в этих отраслях промышленности юга России военнообязанные соответственно составляли 44,94 % и 38,8 % [6, с. 91]. В каменноугольной промышленности Донбасса военнообязанных, работающих по отсрочке, было 104,6 тыс. чел. (44,1 % от общего числа работающих) [11, с. 23–24]. Часто в эту категорию рабочих попадали люди, спасающиеся от фронта. Они были самой реакционной силой в рабочем движении во время войны.

Чтобы не допустить сокращения производства, предприниматели привлекали к работе на шахтах и заводах военнопленных (немцев,

чехов, словаков, галичан, венгров). В соответствии со статистикой горнопромышленников количество военнопленных на угольных шахтах в декабре 1916 г. достигло 72 000 чел. [3, с. 59]. Их удельный вес в каменноугольной промышленности Южного района составлял 26,42 %, в металлургической – 27,4 % [6, с. 90].

В годы войны, особенно в начальный ее период, усилился приток в промышленность женщин и подростков. В 1916 г. общий процент женщин и подростков, занятых в металлургической промышленности Юга, равнялся 17,8 % [6, 92]. На каменноугольных предприятиях Донбасса было задействовано 12,4 тыс. женщин, что составляло 5,2 % от общего числа работающих в отрасли. Подростков насчитывалось 17,1 тыс. чел. – 7,2 % [11, с. 24].

Рабочие из числа беженцев, жителей окраин России и иностранцев составляли сравнительно незначительную долю от общего числа. В каменноугольной промышленности в 1916 г. доля беженцев не превышала 1 %. В металлургической промышленности в начале 1916 г. численность беженцев составляла около 3 % [6, с. 98].

С конца июня 1916 г. на рудниках Донбасса стал применяться в очень незначительных размерах труд китайцев. Осенью 1916 г. численность китайских рабочих составляла здесь около 0,5 %, а к 1 марта 1917 г. – 0,85 %. В небольших размерах на предприятиях Юга применялся труд узбеков и туркмен. На металлургическом заводе «Русский Провиданс» насчитывалось, по данным на 1 ноября 1916 г., 450 узбеков, или 11,3 %. [6, с. 99]. Китайцы, корейцы, узбеки, туркмены и, частично, японцы использовались для выполнения горных работ с целью замены уволенных рабочих, которые принимали участие в забастовках в 1916 г.

В целом число индустриальных рабочих за годы Первой мировой войны в Донбассе увеличилось и к концу 1916 г. составило около 370 тыс. человек [4, с. 75]. Однако качественный состав ухудшился. Сократилась численность квалифицированной, наиболее постоянной рабочей силы. Так, по подсчетам Ю.И. Кирьянова, из числа мобилизованных с паровозостроительного завода Гартмана в Луганске с начала войны по 1 ноября 1916 г. 53,8 % составляли квалифицированные рабочие и 46,2 % – чернорабочие [6, с. 100].

Вследствие Первой мировой войны изменился национальный состав пролетариата Донбасса. В начале 1917 г. 60 % промышленного пролетариата региона составляли россияне, приблизительно 30 % – белорусы, поляки, выходцы из Прибалтики и представители других национальностей. Сохранялось также преобладание россиян в крупных промышленных центрах [14, с. 7].

Подведем некоторые итоги. Важной особенностью демографии Донбасса в предреволюционные годы стало преобладание городского населения. Первая мировая война существенно

повлияла на изменение численности и состава рабочих Донбасса. Эти изменения отразились и на рабочем движении, и на расстановке политических сил в регионе как до, так и после Февральской революции 1917 г. в России. Уже с конца XIX в. можно говорить об определенных закономерностях развития этнической структуры Донбасса. Именно эти закономерности способствовали постепенному увеличению удельного веса русских во всей массе населения. Данные процессы нашли свое отражение в специфическом характере социокультурного развития региона. Наблюдалась ликвидация бытовой изоляции отдельных этнических групп, что ускорило процессы межкультурного обмена и формирования современного социодемографического образа региона с доминированием русского языка, русской культуры и традиций. Специфические особенности новой межэтнической общности, которая продолжала формироваться в рассматриваемый период, определили своеобразие дальнейшего исторического развития Донбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даренский В.Ю. Региональные типы модерна как источник конфликтов / В.Ю. Даренский // Историческая психология и социология истории. – 2014. – № 1. – С. 38–55.
2. Дегтярев А.К. Национальная идентичность и перспективы украинской государственности / А.К. Дегтярев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 24 (245). – Выпуск 38. – С. 71–76.
3. Донбас в етнополітичному вимірі. – К.: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2014. – 584 с.
4. История рабочих Донбасса: в 2 т. / АН УССР Ин-т истории. – К.: Наук. думка, 1981. – Т. 1: Рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму / редкол.: С. В. Кульчицкий и др. – 322 с.
5. История родного края. Ч. 1 / А.В. Колесник, В.А. Пирко, С. М. Нестерцова, Е.В. Щербинина. – Донецк: Кардинал, 1998. – 320 с.
6. Кирьянов Ю.И. Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России / Ю.И. Кирьянов // Вопросы истории. – 1960. – № 10. – С. 89–101.
7. Кононов І. Ф. Етнос. Цінності. Комунікація: (Донбас в етнокультурних координатах України) / І. Ф. Кононов. – Луганськ: Альма матер, 2000. – 494 с.
8. Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика / В.В. Корнилов. – Харьков: Фолио, 2011. – 603 с.

9. Крутова Л. А. Исторические предпосылки возникновения Донецкой и Луганской Народных Республик / Л.А. Крутова // История Донбасса: анализ и перспективы: сб. статей. – Донецк, 2015 – 76 с. – С. 33–36.
10. Курс лекций по истории Украины / ред. Носков В.А. – Донецк: ЕАИ-Пресс, 1994. – 415 с.
11. Лапидус. Накануне Февральской революции на Артемовщине / Борьба за Октябрь на Артемовщине: сб. воспоминаний и статей / под ред. М. Острогорского. – Харьков: Пролетарий, 1929. – С. 13–37.
12. Михненко А.М. Історія Донецького басейну другої половини 19–першої половини 20 ст.: моногр. / перед. слово О.П. Ресента. – К., Донецьк: ТОВ «Юго-Восток Лтд», 2003. – 440 с.
13. Пенькова О.Б. События 2014. Этническая толерантность населения Донбасса: результаты социологического неспрезентативного исследования / О.Б. Пенькова // История Донбасса: анализ и перспективы: сб. статей. – Донецк, 2015. – С. 28–33.
14. Ресент О.П. Ставлення пролетаріату України до Центральної Ради / О.П. Ресент // Укр. іст. журн. – 1994. – № 4. – С. 3–18.
15. Татаринов С.И. Проявления антисемитизма в Донбассе в конце XIX–начале XX столетий / С.И. Татаринов // Філософія науки: традиції та інновації. – 2013. – № 2 (8). – С. 238–249.
16. Шляхов О.Б. Загострення соціально-класового протистояння на Катеринославщині та шляхи його подолання у поглядах керівників губернії кінця XIX ст. / О.Б. Шляхов // Грані. – 2013. – № 8 (100). – С.37–45.

АННОТАЦИЯ

В статье предпринимается попытка анализа исторических корней современного военно-политического конфликта между населением Донбасса и остальными регионами Украины. В его основе лежит подспудный ментальный конфликт, обусловленный различием регионов Украины. На территории Донбасса в эпоху его промышленного освоения сформировалась новая этно-территориальная общность с характерными культурно-психологическими особенностями, которая обусловила весь ход дальнейшего исторического развития региона.

Ключевые слова: Донбасс, население, этнос, крестьянство, буржуазия, рабочие, техническая интеллигенция, межэтническая общность.

SUMMARY

The article attempts to analyze the historical roots of the modern military-political conflict between the population of Donbass and the

rest of Ukraine. It is based on the underlying mental conflict caused by the difference in the regions of Ukraine. In the territory of Donbass, in the era of its industrial development, a new ethno-territorial community with characteristic cultural and psychological characteristics was formed, which determined the entire course of further historical development of the region.

Key words: Donbass, population, ethnos, peasantry, bourgeoisie, workers, technical intelligentsia, inter-ethnic community.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бессилин Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия

Санжаров Валерий Анатольевич – кандидат исторических наук, «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Вербовский Андрей Валерьевич – ст. научный сотрудник ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей»

Евсюкова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Лионидас Зои – магистр лингвистики, переводчик, свободный исследователь (Канада)

Никулин Юрий Александрович – ассистент кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Панасенко Дмитрий Анатольевич – МОУ «Средняя школа № 12 г. Макеевки», г. Макеевка, ДНР;

Петрова Ирина Николаевна – МОУ «Школа № 41», г. Горловка, ДНР

Полякова Мария Андреевна – преподаватель кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Шипович Марина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент; Автомобильно-дорожный институт Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет; АДИ ГОУ ВПО «ДонНТУ», г. Горловка, ДНР

ABOUT THE AUTHORS

Bessilin Nicolay Anatolevich – Candidate of Historical Sciences, associate professor Department of Foreign History Institute of History and State Management FGBOU PRO “Bashkir State-University, Ufa, Russia

Sanzharov Valery Anatolievich – Candidate of Historical Sciences, associate professor Department of World History Faculty of History Donetsk National University, DPR

Verbovskiy Andrei Valeriyevich – Senior researcher of State Institution of Culture “Donetsk Republic Regional Museum”

Evsyukova Natalya Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the EO HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, DPR

Lionidas Zoe – M.A. in Linguistics, Translator, free Researcher (Canada)

Nikulin Yuri Aleksandrovich – Assistant of the Department of Philosophy and History of the EO HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, DPR

Panasenko Dmitry Anatolyevich – Municipal Educational Institution “Secondary School No. 12 of Makeevka”, Makeevka, DNR

Petrova Irina Nikolaevna – Municipal Educational Institution “School No. 41”, Gorlovka, DPR

Polyakova Mariya Andreevna – teacher of the Department of Philosophy and History of the EO HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages» Gorlovka, DPR

Shipovich Marina Anatolyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Automobile and Road Institute of the State Educational Establishment of Higher Professional Education “Donetsk National Technical University, Gorlovka, DPR

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бессилин Николай Анатольевич, Санжаров Валерий Анатольевич</i> СЕМЬЯ ЖУВЕНАЛЕЙ ДЕЗЮРСЕНОВ НА КОРОЛЕВСКОЙ СЛУЖБЕ: КАРЬЕРНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ	3
<i>Вербовский Андрей Валерьевич</i> СУДЬБА ЖАНРА ПОРТРЕТА В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ	13
<i>Евсюкова Наталья Владимировна</i> ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА	20
<i>Зои Лионидас</i> МАРИЯ АНЖУЙСКАЯ, ТИХАЯ КОРОЛЕВА	27
<i>Никулин Юрий Александрович</i> ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	34
<i>Панасенко Дмитрий Анатольевич, Петрова Ирина Николаевна</i> ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЯ РАБОВ В РИМЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СПАРТАКА (73-71 гг. до н.э.) В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	41
<i>Дмитрий Анатольевич Панасенко, Ирина Николаевна Петрова</i> СТРАХИ ПОЖИЛОГО КОРОЛЯ	47
<i>Полякова Мария Андреевна</i> МЕСТО ПОЛИТПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ РСДРП(Б) В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА НА ДОНБАССЕ.....	55
<i>Шипович Марина Анатольевна</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ.....	59
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	69
ABOUT THE AUTHORS.....	70

Научное издание

**ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

Сборник научных трудов

Выпуск девятый
История

Ответственный редактор *С. Э. Зябрева*
Технический редактор *А. М. Калашиников*
Компьютерная вёрстка и макетирование *Е. С. Шалыгиной*
Корректоры *А. Г. Дринко, О. Т. Захарова*

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 15.07.2019.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 4,34. Уч.-изд. л. – 8,75.
Усл.-изд. л. – 8,13.
Тираж 300 экз. Зак. № 58.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25